

Ф.Ф. Палицын

ЗАПИСКИ

1916 – 1921

Федор Палицын

Записки. Том II.
Франция (1916–1921)

«Издательство им. Сабашниковых»

Палицын Ф. Ф.

Записки. Том II. Франция (1916–1921) / Ф. Ф. Палицын —
«Издательство им. Сабашниковых»,

Во 2 томе воспоминаний Фёдор Фёдорович Палицын описывает события с 1916 по 1921 годы, с момента своего назначения представителем Ставки в Военном совете союзных армий во Франции. Его глазами мы следим за действиями Русского экспедиционного корпуса, операциями союзников во Франции и Салониках, работой правительственных учреждений и военачальников английских, французских и американских частей. Происходит революция в России, новая власть ведет сепаратные переговоры с Германией в Брест-Литовске. Новообразовавшиеся Польша, Украина, Прибалтийские государства преследуют свои интересы. Россия распадается на куски. Русские генералы Деникин, Колчак, Врангель не могут договориться с бывшими союзниками по Антанте, а Соединенные Штаты навязывают европейским политикам свои условия на мирных переговорах. Ллойд Джордж, Вудро Вильсон, Клемансо, Гинденбург – каждый ведет свою игру. Мелькают люди разного социального статуса, появляются и исчезают различные эмигрантские организации: во всем неопределенность. Ослабленная после Великой войны Европа меняется на глазах. И во всей этой сумятице русский генерал пытается заглянуть в будущее России. Публикуются впервые.

© Палицын Ф. Ф.

© Издательство им. Сабашниковых

Содержание

Франция	6
Beauvais. 26-I/8-II 1917 г	11
Beauvais 7/20 января 1917 г	13
12/23 января	14
2/15 февраля	15
22-II/7-II-17	17
3 /16 апреля	19
18 апреля /1 мая	20
5 /18 июня 1917 г. Баньол де Лорн	21
6/19 июня	24
17-VI-17	27
19-V/2-VI-17	30
20-VI-I7	31
21-VI-17	34
Четверг 22-VI-17	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39
Комментарии	

Ф.Ф. Палицын

Записки. Том 2. Франция (1916–1921)

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Издательство выражает благодарность Павлу Лукину, Федору Палицыну, а также Жерару Горохову и Андрею Корлякову за помощь в подготовке текста и иллюстраций книги

© Издательство им. Сабашниковых, 2014

Франция 1916–1921

* * *

30 сентября /13 октября 1916 я вернулся в Тифлис из Эрзерума. Главнокомандующий послал меня туда, чтобы переговорить с генералом Юденичем: 1) о помощи, которая ему нужна от великого князя Николая Николаевича; 2) выяснить ряд вопросов, касающихся войск, материальной их части, транспортов, путей и вообще всего того, что составляет службу тыла и 3) по выяснении всего на месте, переговорить с генералом и убедить его перейти к решительной атаке армии Изет-Паши, до наступления больших холодов и снегов.

Совместные работы с генералом Юденичем и начальником его тыла генералом Карнауховым привели первого к убеждению, что операцию эту возможно осуществить если не через 4, то через 6 недель, а в крайности даже позже.

Генерал Юденич обещал, что после моего отъезда из Эрзерума он поедет на фронт и личным осмотром решит все частности.

Трудности сосредоточивались в тыловых работах, в обеспечивании войск нужным и, в особенности, образовать запасы при войсках. Генерал Карнаухов взялся исполнить эти работы в назначенной срок, лишь бы ему не мешали.

Миссия моя, казалась, разрешилась успешно: решение принято, осталось во власти командующего армией подготовка и исполнение.

Приехав утром 30-IX/13-X 1916 г. в Тифлис, я был вызван к великому князю, который сказал мне, что 29/12 он получил от государя телеграмму, в которой его величество просит уступить меня для посылки во Францию, вместо генерала Жилинского. От себя великий князь добавил, что он уже протелеграфировал в Ставку, что я уеду в Тифлис 4/17-X.

Великая княгиня^[1] и великий князь очень радовались моему назначению и, как всегда, были ко мне добры и ласковы. Мне жаль было их оставить, а также Кавказ, в особенности в виду предстоящей важной и серьезной операции.

О своей поездке я сказал одному князю Леонтию Алексеевичу Шаховскому^[2] и предложил ему ехать со мной. Сначала он согласился, но затем, 1/14 октября, отказал; он не почел себя вправе оставлять великого князя. Князь Шаховской был прав. При великом князе не было человека более ему близкого и притом всегда правдиво, со знанием дела и вдумчиво ему докладывавшего.

4/22-X утром приехал в Ставку, откуда мог выехать только 13/26 октября.

Большая работа была у великого князя Сергея Михайловича по артиллерийской части. Надо было выяснить труды артиллерии. В Петрограде пришлось это переделать, ибо данные Генерального штаба и Главного артиллерийского управления не сходились со сведениями Ставки, в особенности по части тяжелой артиллерии. Но прибыв в Париж, оказалось, что сведения парижские об артиллерийских потребностях расходились со Ставкой и Петроградом. Кто же был прав?

Михаил Васильевич Алексеев посвятил меня в положение армий, в ход организационных работ и в виды на будущее. В тылу уже давно шли сильные передвижения войск для усиления Румынии. При мне послана была генералу Сахарову^[3] телеграмма безотлагательно отправиться на Нижний Дунай и принять там командование войсками; значительное число артиллерийских штаб- и обер-офицеров отправлялись на усиление румынской артиллерии.

Государь отпустил меня милостиво. Я доложил его величеству, что по силам, а главное, по отсутствию гибкости, не гоюсь на предназначенную мне работу. Но с этим его величество не согласился.

Разговорившись с государем императором о событиях в Румынии, я доложил, что при дальнейшем наступлении врагов, мы должны предвидеть, что часть немцев и болгар перейдет Дунай в среднем его течении (район Рушука).

«Почему Вы так думаете», – спросил государь.

«Общий ход германских операций, их группировка и метод их действий указывают мне на неизбежность такой переправы», – был мой ответ.

«Да, это возможно», – задумчиво сказал государь.

Чтобы вовремя прибыть на конференцию 2/15 ноября, надо было выехать из Петрограда 23-X/5-XI. С большими усилиями удалось это сделать. Накануне отъезда повидал военного министра Шуваева, который, не дав никаких поручений, ограничился одним указанием: не вмешиваться в заказы. Заехал к министру иностранных дел Штюмеру^[4], но видеть его не удалось. Свои дела пришлось бросить на произвол судьбы.

27-X/9-XI сел на пароход в Бергене и на следующий вечер прибыл в Нью-Каннель, где был встречен английским генералом Уотерсом^[5], генералом Ермоловым^[6] и другими. В Лондоне меня встретили члены посольства со старшими русскими военными чинами; вечером был обед у посла графа Бенкендорфа^[7]. На следующий день длительные разговоры по поводу заказов с чинами Лондонской заготовительной комиссии, в 5 часов поехал к великому князю Михаилу Михайловичу^[8], а утром в понедельник, выехал через Фолкстон в Булонь и поздно вечером прибыл в Париж, где был встречен послом А.П. Извольским^[9], генералом По^[10] и многими другими.

В Булони мне передан был объемистый пакет с докладом Главной французской квартитры^[11], приготовленный для конференции 2/15-XI.

1/4-XI я из Парижа утром поехал в Шантильи представиться главнокомандующему, генералу Жоффру^[12], который встретил меня радушно и любезно. После завтрака поехал в Париж к нему, от него к председателю министров Бриану^[13], а в 5 час. дня к президенту республики г-ну Пуанкаре^[14].

Передача приветствий от его величества, расспросы, разговоры общего характера заняли немного времени.

На следующий день было первое заседание военной Конференции, которая должна была выработать и установить основания действий на первую половину 1917 г., определить средства и взаимную помощь, которую Франция и Англия могли нам оказать.

Чтобы легче разобраться в вопросах артиллерийского снабжения, великий князь Сергей Михайлович предложил мне взять во Францию командира гвардейского тяжелого артиллерийского дивизиона, полковника Война-Панченко^[15], хорошо осведомленного с этой частью. Он оказался сведущим офицером и во многом вначале был мне полезен.

2/15 ноября под председательством генерала Жоффра открылось заседание конференции. Собраны были: английские генералы Хейг^[16], Робертсон^[17], Моррисон^[18], сербский генерал Пашич^[19], бельгийский начальник штаба, французский генерал Кастельно^[20] (начальник штаба Жоффра) и я.

После краткого приветствия и объяснений генерала Жоффра, генерал Пелле^[21] стал читать по пунктам меморандум, копия с которого передана была мне в Булони. Меморандум был объемист и заключал в себе краткие определения целей и задач по фронтам и общие определения целей в конце. К нему приложена была ведомость средств каждой воюющей стороны.

Составлен он был вдумчиво, в общих чертах, не касаясь частных, и его чтение, обсуждение, исправление, а затем переделка всего начисто, потребовало 3 заседания.

Вопросы о материальных нуждах переданы были в особую подкомиссию, под председательством генерала Пелле, в которую я назначил полковника Война-Панченко.

Споры возбудил Салоникский фронт. Генерал Робертсон противился его усилению, генерал Пашич и я стояли за усиление. Мною была доложена телеграмма генерала Алексева от 2/15 ноября, с просьбой усилить Салоникскую армию до 35 дивизий, вместо бывших там 17–18. Но итальянцы не соглашались довести число своих дивизий даже до цифры, условленной раньше, и в защиту представляли очень хитрые доводы.

Не будучи ещё ознакомленным со всеми условиями, мне очень трудно было доказательно возражать против того, что представлялось препятствием к усилению той армии. Уже один фактор, недостаток транспортных средств мог быть достаточным, чтобы отказаться от усиления Салоникской армии не только до 35, но и меньшего числа дивизий. Разница во взглядах, однако, выражалась главным образом в том, что одна сторона оценивала Салоникский фронт как важный, другая как второстепенный, а генерал Робертсон считал, что усиливать этот фронт просто вредно и надо усиливать западный. Но и его постановка была односторонняя. Бесспорно, западный фронт надо было усилить, но оставлять Салоникскую армию в беспомощном состоянии, тоже нельзя было.

По этому вопросу, ознакомившись подробнее с положением и главным образом с транспортными средствами в Средиземном море, я подал генералу Жоффру ноту, в которой указывал на возможность и необходимость усиления Салоникской армии до 25 дивизии с целью, оттеснив врага, занять линию Бабуны-Криванак, вместо невыгодного для действий фронта, занятого в ноябре 1916. Не буду доказывать возможность предложенной операции и больших оперативных выгод, которые явились же последствием нашего положения на Бабуне, но оговорю, что в скором времени, силою обстоятельств, армию эту пришлось усилить довольно значительно, но уже под влиянием крупных успехов, достигнутых Центральными державами на Дунае и в Румынии.

Одновременно с конференцией в Шантильи, в Париже заседала другая, политическая^[22].

3/16 ноября у Бриана был завтрак и там встретил многих старых знакомых. Там же я познакомился с Ллойдом Джорджем^[23] и с Асквитом^[24]. После завтрака поехал в Crillon¹, где имел продолжительный разговор с [бывшим] генерал-квартирмейстером английского Генерального штаба генералом Мюрреем^[25] о месопотамских и египетских делах и ему сообщил о том, что решено было в Эрзеруме и Тифлисе. Он познакомил меня с транспортными средствами Англии в Средиземном море. С французскими транспортными средствами меня ознакомил французский морской министр^[26] и его помощник^[27].

Английские транспортные средства в Средиземном море, по сравнению с нашим масштабом, были очень велики. Но и снабжение английских войск, во всех отношениях, шире нашего. Бездорожье театра кроме того требовало перевозки больших железнодорожных средств, کامیون² и вьючных животных и, как признался генерал Мюррей, и с этими даже средствами, все-таки временно ощущаются затруднения. Организация и использование этих средств были прекрасными.

4/17-XI был обед у президента республики и там уже определенно говорили, что конференции в Шантильи и Париже цены иметь не будут, а в декабре соберется конференция в Петрограде, и ее слово будет окончательное. На первых порах это показалось очень странным. Зачем же было собирать людей в Париж?

Три недели тому назад я выехал из Ставки, 12 дней тому назад из Петрограда и о возможности такой конференции не было и намека. Откуда подул ветер и кому это понадобилось?

Как в России между Ставкой и главными управлениями в Петрограде, так здесь между заготовительными органами и Петроградом, с места, пришлось натолкнуться на разногласие и неопределённость всего того, что исходило от центра. Работали порывами, под влиянием минуты.

Была ли то наша неумелость в боевых делах или нечто иное, сказать не могу. Но союзники наши, привыкшие к точности и к тому, что на неделе не 7, а одна пятница, этим ходом требований от нас не восхищались, но относились снисходительно. Мы были бедны короткими

¹ Крийон – отель в Париже.

² Грузовых автомобилей.

калибрами, стали просить о них, а немного спустя стали требовать длинные. Бесконечная переписка затянулась по поводу стале-чугунных снарядов, взамен стальных.

Тем не менее, Англия и Франция, в период конца 1916 и начала 1917 г., дали столько, сколько мы в организационной работе на месте не могли переработать, ибо эта работа была поставлена не удовлетворительно, как неудовлетворительно были оборудованы приемные пункты в Архангельске и в особенности в Коле.

В Шантильи, я надеялся изучить прошлое по работам, которые велись раньше моим предшественником, но ни дел, ни копий телеграмм не нашёл и только несколько разрозненных карт лежало в кабинете.

В составе моей миссии были: полковники Война-Панченко и Кривенко^[28], ротмистр Панчулидзе^[29], французской службы капитан князь д'Аренберг, Нарышкин, лейтенант Извольский^[30]. Полковник Кривенко, в скором времени, уехал в Россию, а ротмистр Панчулидзе перешел в канцелярию военного агента в Париже^[31]. Остались Нарышкин и Извольский очень достойные и воспитанные молодые люди и на долю их выпала вся работа.

Представитель верховного командования во Франции был поставлен не нормально. Будучи в очень большом чине, в деловом отношении до него ничего не касалось, и ни русские войска, ни военный агент, ни другие учреждения ему подчинены не были. С формальной стороны ему предоставили: утверждать награды и судебные приговоры, а по всем остальным вопросам и сам он, и военный агент, и войска должны были обращаться в Петроград или в Ставку, так как войска внедрены были во французскую армию, то естественно, что они должны были подчиниться французской военной иерархии.

Но эта последняя не могла входить во все вопросы внутренней жизни и инспекторского характера, касающихся войск. По ним войска обращались в Петроград в Ставку. Все что приехало из России по делу и без дела обращалось к военному агенту как местному органу. Из учтивости некоторые приезжали ко мне, но за время пребывания их во Франции они представителю подчинены не были и их работа шла помимо него.

Для дела это была проруха, которая усугублялась тем, что присылались люди Бог знает по каким делам, не уведомляя даже военного агента, который как местный орган, центр всего заготовления и связь наших управлений с французскими военными и другими министерствами, ставился в неловкое положение, и каждый действовал и требовал по-своему, а так как французы были уступчивы и любезны, то эта самостоятельность принимала и своевольные выражения, затрудняя местные власти.

Главная сила военного агента графа Игнатьева была то, что денежный сундук был в его распоряжении и он мог дать и не дать, ибо для этого не было выработано правил. Те, которые его не признавали, в конце концов все-таки должны были придти к нему.

Представитель верховного командования был лишь связью между нашей Главной квартирой и Главнокомандующим генералом Жоффром.

3/16-XI заболел генерал Алексеев и его временно заменил генерал Гурко^[32]. С его вступлением изменились и сношения Ставки со мной.

В нашей Ставке французским представителем был генерал Жанен^[33]. Все дела Ставка стала проводить через него. Потерпел я это, а затем заявил нашей Главной квартире^[34], если вам угодно так работать, то уберите меня, я здесь лишний. Но меня оставили и протелеграфировали, чтобы французское командование свои дела проводило через меня. На это я им ответил: делайте как вам угодно, но просить французскую Главную квартиру, чтобы она свои дела проводила через меня не буду. Так продолжалось до выздоровления генерала Алексева. Со вступлением его на должность начальника штаба Верховного главнокомандующего, течение дел потекло нормально.

Beauvais. 26-I/8-II 1917 г

Уже с середины ноября старого стиля стали циркулировать слухи о возможном уходе Главнокомандующего, о неудовольствии парламента правительством и ходом военных дел. И действительно, вскоре генерал Жоффр, пожалованный высоким званием маршала, [ушел].

События эти не могли не отразиться на работе Главной квартиры и всего военного начальства; творческая работа пошла уменьшенным темпом. Бывшие на местах ожидали своей смены, вновь прибывающие знакомились, но не уверенно.

В Главной квартире появился генерал Гамелен^[35], очень достойный и симпатичный, но ненадолго. Г.О.Е.^[36] перешло в Париж.

Наконец в первой половине декабря стало известно о назначении генерала Нивеля^[37] главнокомандующим; вместо генерала Жофра военным министром назначен был генерал Лиоте^[38], командующий войсками в Марокко. Генерал Кастельно ушел; ему предстояло принять руководство армиями на правом фланге, но раньше он должен был отправиться на конференцию в Петроград. И генерал Фош^[39] должен был покинуть свой пост, приняв временно в свое ведение те войска, которые потом принял генерал Кастельно. Начальником штаба был назначен генерал По, а помощниками его остались генералы Клодель, Дюпон и полковник Пондрон.

Все это протекало не сразу.

Говорили, что палата настаивает и на переходе Главной квартиры из Шантильи в другое место, действительно, в начале января 1917 г. она перешла в Beauvais. И эта операция внесла также ненужные осложнения. По приезде генерала Нивеля в Шантильи я ему представился. Познакомился с ним раньше в ноябре, у генерала Петена^[40]. Очень трогательно простился с маршалом Жоффром. Жалел об его уходе и по личным чувствам и в сознании, что уход его повредит общему делу.

В то время как на востоке Центральные державы уничтожали Румынию и наши войска, в законодательных учреждениях Парижа шла другая, борьба бескровная, но чреватая последствиями.

История не представляет примера выступления столь значительного числа равноправных по политическому значению и вооруженной силе держав. Пока во главе французских войск был маршал Жоффр, объединение сосредоточивалось в нем. Может быть не всегда искренно, но его слову все подчинялись и с его мнением очень считались.

Генерал Нивель, несмотря на блестящее прошлое и личные качества, для иностранных командных органов был еще мало известен и занять сразу то положение, которое занимал, по отношению всех союзников генерал Жоффр, естественно, не мог.

Война захватывала народы целиком.

В 1916 г. первым министром Англии Асквитом провозглашено было и сочувственно было принято то начало, что «Война ведется правительством». Но я бы сказал, что борьба ведется всей страной, всеми ее средствами: войну (это совокупность всех операций) ведет Главнокомандующий со своим Генеральным штабом, а правительство правит. В этом нет разделения, а правильное распределение работы в таком громадном и важном деле. Сойти с правильного пути, отречься от природы и законов, которыми характеризуется борьба вообще, а война в частности, значит, создавать себе ряд затруднений и трений, которые непременно дадут себя почувствовать, тому, кто с того пути сошел по каким бы то ни было причинам.

Война тянется 2½ года, и каждое государство ведет ее самостоятельно, согласуя свои действия повременно собираемых совещаний. Нет одной воли, единой мысли.

Пока был генерал Жоффр, благодаря его заслугам и прошлому, он был до известной степени центром, к которому сходились нити объединения. По этому вопросу писал генерал

Жоффр в ноябре, а при первом свидании с генералом Лиоте, я поставил ему вопрос прямо и резко.

«Да Вы меня за горло хватаете, – вскричал генерал Лиоте, вскочив с кресла. – Я только и думал об этом, но как это сделать?»

«Это уж Ваше дело, – ответил я ему. – Начните с западного фронта, а затем притяните Италию и Салоники. Россия слишком далеко, но, поверьте, там пойдут навстречу этому».

Долго мы по этому поводу беседовали с ним.

После разговора с генералом Лиоте у меня подобный же разговор был с генералом Нивелем. И он заявил мне, что объединение командования на западном фронте находит необходимым и настолько, что готов, если это нужно, подчиниться фельдмаршалу Хейгу. К этому он добавил, что наши отношения к англичанам так доверчивы и дружественны, что как бы не решился этот вопрос, но в применении его, среди нас, никаких недоразумений не может быть.

Beauvais 7/20 января 1917 г

20 декабря 1916/2 января 1917 я получил высочайшее повеление ехать на конференцию в Рим. Назначение это состоялось, как мне казалось, по желанию французских властей. 21/8 выехал в большом обществе. 23/10 утром приехал в Рим; 24/11 было первое заседание. Докладывали генерал Саррайль^[41] и английский генерал^[42], контролировавший переход греческой армии в Пелопоннес и разоружение ее^[43].

Ллойд Джордж задавал вопросы, длилось это недолго, и затем господа правители и дипломаты перешли в другую залу, а военные остались и стали толковать о Салоникском фронте. Господа Робертсон и Кадорно^[44] говорили одно, генерал Лиоте и я другое, и убедить друг друга не могли, несмотря на горячие речи Лиоте. Дело было сделано у штатских и главным образом Ллойд Джорджем, а именно, английские и итальянские войска, наконец, были подчинены Саррайлю, а до этого, как генерал Саррайль мне говорил во время перерыва первого заседания, он мог их просить, но не приказывать.

«И вы с таким положением смирились?» – спросил я его. Вообще наши сборища не производили на меня впечатления большого между нами согласия. Кадорно держался к Робертсону, я к Лиоте, но над нами, прежнего влияния объединяющей мысли, не было.

Штатская конференция, вероятно, была дельнее.

В первый день приезда в Рим 23-ХІІ-16/5–1-17 я поехал к генералу Кадорно и продолжительное время с ним беседовал о военном положении их фронта, о целях. Днем я представился ее величеству королеве^[45], регенту и сделал необходимые визиты. 24/6 был парадный обед у французского посла Баррера^[46], с которым познакомился еще в 1908 году на маневрах в центре Франции.

25 декабря / 7 января поехал в церковь к обедне, будучи уже больным, а вечером добрался до купе, куда очень любезно, зашел Соннино^[47], чтобы справиться о здоровье и проститься. По пути в Париж удалось выпросить у Альбера Тома^[48] посылку вместе с орудиями 105-ти см и конской упряжи. Он обещал и сделал.

При отъезде в Рим полковник Война-Панченко на Лионском вокзале сообщил мне, что через итальянское военное министерство Главное Артиллерийское Управление поручило исполнить заказ в 200–42 линейных (105-ти см) пушек по цене, которая в несколько раз превосходит цену французских заводов.

И генерал, и наш артиллерийский представитель в Риме, полковник Рейнгард^[49], подтвердили это. Полковник Рейнгартен также считал цену за пушку совершенно несообразной, но оправдывался тем, что на это им получено категорическое приказание Главного артиллерийского управления подписать контракт, что и было им исполнено за несколько часов до нашего разговора. Я протелеграфировал об этом военному министру, со своим заключением.

С тракторами поступили по-иному. Итальянские тракторы превосходны, и были бы очень пригодны нам. Но летом 1916 года наш технический представитель от них отказался, признав их непригодными. Осенью 16-го года мы бросались повсюду, чтобы достать тракторы, и неуспешно. Не будь этого, мы могли бы летом и осенью 16 года, когда затруднения в транспортах были не так велики, перевести к себе значительное число итальянских тракторов и устранить чувствовавшую у нас нужду в тракторах. Подобных изложенным выше случаям в нашей заготовительной заграничной работе было немало.

12/23 января

В ноябре мне удалось посетить наши бригады^[50] на Мурмелонском и Людском (против Реймса) участках. Войска имели прекрасный вид, и французское начальство было ими довольно и хвалило их. Познакомился я в Шалоне с главнокомандующим французской группой армий генералом Петеном, а в Клермоне с начальником северной группы в ноябре с генералом Фошем, а позже, с генералом Франше д'Эспере^[51]. На завтраке у генерала Петена, я встретился с генералами, командовавшими армиями: Нивелем, Мазелем^[52] и Манженом^[53]. У общего любимца войск генерала Гуро^[54], под начальством которого были наши войска, я обедал. Все это лица так хорошо всем известны их самоотверженной работой с начала войны и подвигами личной храбрости, что воздержусь от характеристики их и похвал.

Но суровый и молчаливый Петен очень мне понравился своей выдержкой и основательностью. В Верберне побывал у генерала Жерара^[55], смененного затем генералом Файолем^[56].

Больше всего мне пришлось беседовать с генералом Фош. Вся настоящая война, все самые трудные и сложные эпизоды связаны с его именем. Но уже в ноябре он был намечен к отчислению. Глубоко сожалел об этом.

2/15 февраля

Во второй половине января я поехал в район бельгийского и английского фронта, а равно к главнокомандующему Мишле^[57] и командующими 1-й и 3-й французскими армиями^[58].

В Палле я представился бельгийскому королю^[59] и был представлен бельгийской королеве^[60]. Его величество расспрашивал меня о государе, о России, о народном настроении. Или это была его манера, или он лучше меня был осведомлен, но в тоне, в манере говорить, мне казалось, было какое то сомнение, когда еще доложил, что во время борьбы наше народное настроение не выразится беспорядками и возмущениями. Его величество наградила меня Леопольдом I ст. и пристегнул мне Croix de guerre³.

Удивительная простота, большое достоинство отличительные черты этого благородного короля. Не могу писать ему панегирик. Королева, кроме простоты обращения, отличалась большим очарованием.

После завтрака я отправился к бельгийскому начальнику штаба; фактически это был начальник бельгийского фронта. С ним толковал о злободневном вопросе объединения командования. Простившись, поехал в Дюнкерк, к командиру 36-го корпуса Балфурье^[61], нашего георгиевского кавалера за Верден. Пообедал у него в кругу его штаба и к 10 час. вечера вернулся в Кале. Было холодно; к вечеру мороз подходил к 10°. Утром следующего дня направился в Montreuil, к генералу Хейгу, главнокомандующему английскими армиями. По окончании завтрака я остался с генералом Хейгом, и главным предметом нашего разговора было тоже объединение командования на западном фронте.

Генерал Хейг сообщил мне некоторые подробности о фронте, о числе дивизий, действующих и ожидаемых, вместе с португальцами.

Генерал Хейг считал, что командование на всем фронте должно быть объединено.

«А знаете ли Вы, как смотрит на этот вопрос генерал Нивель», – спросил я его. «Генерал Нивель, – продолжал я, – считает это столь важным, что если для достижения этого начала ему необходимо было бы подчиниться Вам, то он пойдет на это не колеблясь».

«Зачем, – ответил мне Хейг, – я тоже считаю это очень важным и ничего против подчинения французской Главной квартире не имею, ибо и теперь мы следуем их советам, как более опытным. А сверх сего наши взаимные отношения основаны на таком полном доверии и дружбе, что между нами розни не может быть. Генерал Нивель человек широкого решения (décision), и подчинение ему никаких неудобств, кроме выгод, представить не может».

Все это было очень отрадно. Два главных действующих лица смотрели на этот важнейший вопрос одинаково, высказываясь при этом одними и теми же словами. Затруднения, значит, крылись не в армейском управлении, а где-то повыше.

Свой разговор с генералом Хейгом я передал генералу Нивелю, по возвращении моем в Beaugaïs. Там же в скором времени, я получил ноту приказ генерала Лиоте о взаимных отношениях и обязанностях разных частей Главной квартиры в Военном министру.

Согласно этой ноты, согласование всех действий, надзор и указания в развитии решения военного совета (conseil de guerre) должны исходить от военного министра – генерала Лиоте. Это касалось как Салоникской армии, так и французского фронта. Как же это будет теперь? спросил я генерала Нивеля. Это ничего, пока военным министром генерал Лиоте ответил мне Нивель. С ним всегда оговоримся. В мелочах я могу пойти на уступки, а в главном не сомневаюсь, разногласия не будет и Лиоте упорствовать не будет.

А вот если он уйдет и вместо него будет штатский, тогда такое положение может быть серьезным. Слова эти были пророческие. Чтобы отдать себя всецело войскам и войне, генерал

³ Военный крест (орден).

Лиоте взял помощника, который мог бы облегчить ему его сношения с парламентским миром и дать ему всецело отдаться войне. Он мне это сказал еще в декабре. Я ему ответил, что и до меня успело это дойти, но я сомневаюсь, чтобы ему удалось так ограничиться. Если Вы к ним не пойдете, они к Вам придут, и, право, не знаю, что лучше будет для дела, первое или второе.

На мой взгляд, [этим] приказом, генерал Лиоте не шел по пути объединения общего командования, а отдалился от него, ибо, прежде всего, в ожидании грядущих больших операций, надо было достигнуть установления этого командования на западном фронте.

Если допустить, что военные требования взяли бы вверх над губернаторальным сепаратизмом и неуместными в общем деле недоверии, то вероятно, в 1917 г. Англия пошла бы на то, что во главе всего западного фронта стало бы одно лицо. По моим понятиям француз, как по снабжениям большого совершенства французских органов военного управления, так и потому, что английские и русские войска вели борьбу на французской земле. Но думаю, Англия никогда не согласилась бы, чтобы ее армиями управлял бы французский военный министр, зависимый от правительства и палат. Тоже и обратно. О Петроградской конференции никаких сведений. С тех пор как делами, за болезнью генерала Алексева, правили Гурко и Лукомский^[62], сношения велись через генерала Жанена, как будто русского представителя во Франции не было. О мелочах переписывались.

22-II/7-II-17

После блестящего захвата передовых позиций Вердена, в декабре, 25-го настало сравнительное затишье.⁴

<...>⁵

Основные правила военного дела французским начальникам хорошо известны. Не будут они атаковать, не будут сосредотачивать громадные средства, которые в случае неуспеха могут пропасть, не будучи обеспечены в наиболее жизненных направлениях. Чтобы атаковать группой Мишле надо прочно стоять на фронте Суассон – Рибекур – Мондидье. Надо атаковать в этом направлении раньше, чем поведена будет атака в направлении Лаон.

Если центр Лаон, говоря о направлении; то атака должна была быть обеспечена, и в смысле ее безопасности и общего положения, и в смысле содействия.

Группа Франше д'Эспере сильна (22 дивизии, 2 территориальные на фронте в 52 км), а соответствующее распределение средств и сил еще более ее усилят и позволят выполнить ее назначение.

Группа Мишле (24½ дивизии, 2 территориальные дивизии и 3 территориальные бригады^[63], всего 27 дивизий) на фронте в 68 км одинаковой силы с северной группой, но за нею должна быть X армия (примерно из 4 кор. в 8–12 дивизий), которые должны развить дело.

Но главные силы Мишле должны быть сосредоточены к центру и ближе к Кроану, обходя Суассон, который, как и Компьен лежит на ближайшем направлении к Парижу. Если на участке к западу от Реймса будут выжидать удобной минуты, то на юге против Вердена, Нанси и в восточном Эльзасе немцы могут предпринять решительные действия, чтобы не только удерживать там войска, но привлечь к этим районам войска с запада, т. е. расстроить атаку.

Хотя силы англо-французского фронта и превосходят в числе дивизий немцев (на 25–26 дивизий), но распределение их по фронту не одинаковое. На 130 км англо-французов стоят почти 60 дивизий, а 110½ французских дивизий на остальных границах фронта в 550 км против 63 дивизий немцев на фронте и 16 во второй линии и всего против 79–80 дивизий немцев. Но не взяты во внимание дивизии, стоящие в глубине на других участках. Против 60 + 7½ [дивизий] французских бельгийцев – стоит около 60 немцев, не считая стоящих в глубине. Таким образом, нельзя говорить о превосходстве, которое обеспечивало бы ход операции и возможность ее развития.

Большое превосходство лишь там, где французы намереваются вести главные действия от Роа до Реймса включительно. 51 дивизия французов против 21 дивизии немцев, считая резервы VII и II германские армии + 2 дивизии III армии. Но если мы возьмем от Прюэн до Швейцарской границы, то против 58 французских дивизий будет 61 дивизия германцев.

Промедления в подготовке французов и англичан дали немцам довести число своих дивизий от 130 до 140 и более. В дальнейшем немцы могут прогрессировать. Обстоятельство это указывает, что медлить нельзя, ибо пока выгоды еще на нашей стороне. Но надолго ли?

22 марта (4 апреля) Главная квартира переехала в Компьен. Сегодня переехал Нивель, а 24 перееду я, закончив работы. В эти дни, начиная с 14 марта (27 марта) ряд телеграмм от Алексеева, что приступить к операциям раньше 1 июня и 4 июля невозможно и с просьбой задержать действия здесь. Положение здесь сложилось так, что задержаться французы не могут. По каждой телеграмме переговаривал с Нивелем, а на первой он мне написал и дал свое заключение.

⁴ Вышеприведенный текст, описывающий пребывание Ф. Ф. Палицына во Франции, приводится по рукописи «Пережитое. 1916–1918», представляющей собой ранний набросок текста, вошедшего во 2-й том.

⁵ Здесь и далее многоточием в угловых сносках отмечены сокращения.

Опасения М. В. Алексеева, что действия здесь развертываются быстро, – ошибочное. Кроме методичности действий, отход немцев с полным разрушением всего, что было на занятых ими местах, все задерживает, и думать о быстрых действиях не время, разве немцы сами перейдут в наступление очень большими силами, на что, однако показаний нет. Если мы на Русском фронте будем иметь возможность развернуть силы в марте и тогда начать (теперь нельзя: большие снега, начало оттепели, отсутствие дорог) операции, то и тогда будет не поздно. Но что-то застряло у союзников – III армия и англичане – подвигаются, I армия – оттянута, V армия и VI армия – все готовят и пухнут числом, усиливается и IV армия, но еще не начинается, а пропущен уже добрый месяц.

Надеюсь, М.В. успокоится. У него и без того много тягостных забот. Как думал, так и случится – Алексеев верховного командования не примет.

Мысль Жоффра была довести готовность для атаки, к половине февр. Пертурбации в ноябре и декабре, смена его и назначение новых, неопределенность и неустойчивость во всем, в работе государственного механизма, все это задержало подготовку французов и англичан. Затем специальная подготовка на французском фронте перешла в руки Мишле. Немцы в марте отступили, что произвело переполох и затяжку повсюду. Однако изменившееся положение не внесло существенных изменений в дальнейшие намерения, и дело прямолинейно велось по-прежнему. Время было упущено. Немцы значительно усилились, а французская подготовка в тылу приняла размеры, которыми сами французы были скованы. Никто этого, как будто не замечал.

3 /16 апреля

Сегодня утром началась атака главных сил.

Со вторника, 28 марта /10 апреля началась артиллерийская подготовка. Она должна была длиться 4 дня; на самом деле длилась 6 суток. Атака идет по всему фронту. Англичане от Лейса до Ст. Кентэна, III французская армия от Ст. Кантэна и огибая Ст. Голэн с севера, запада и юга-запада на Эне, в районе Лафо-Крон и далее к Реймсу наносят главный удар. Завтра поведет атаку и IV армия со стороны Шалона. Усиленные действия начались в VIII и VII армиях у Кастельно.

В декабре началась подготовка, а начало в половине марта к северу от Уазы и в первой половине апреля (10 апреля) главная масса (район V и VI армии) начала артиллерийскую подготовку. Стремление сложилось так, что V армия и VI армия прорывает и опрокидывает немецкие линии, заходя левым и правым плечом, X армия использует время в чистом поле. Об этом много говорили с декабря по конец марта. Но это была манера говорить, не думаю, чтобы серьезные люди могли предполагать, что такой способ вообще возможен.

Формула была разбить и отбросить передовые части германцев и затем развить успех вводом свежих частей. Для этой цели к району от Уазы до Аррагона постепенно ко времени атаки сосредоточено было в общем 56–58 дивизий (точнее обозначу потом), а считая с Верденом 72–74 дивизии, которым по данным бюллетеня сего числа немцами выставлены 56, а может быть в действительности около 60 дивизий из числа 151–153 дивизий, собранных на западном фронте. Такая же крупная группировка немцев в районе к северу и частью к югу от Арраса против англичан.

По-видимому, район к югу от Камбрэ – по каналу Ст. Кентэн до Уазы рассматривается пока, как пассивный.

Впрочем, разбирая расположение германцев по всему фронту, нельзя с уверенностью сказать, что они подготовились нанести удар в одном или другом направлениях. Группировка в районе против Арраса к северу, и немного к югу более интенсивная, как равно к северу от Эна (Краон-Лаон) и в Шампани, чем в остальных частях, но пока по имеющимся данным, нельзя еще говорить, что немцы готовы к удару. Я сказал бы, что они принимают удар, тактически будут местами атаковать, но подготовки явной к атаке и наступлению не видно.

18 апреля /1 мая

6 апреля /19 апреля получил от М.В. Алексеева телеграмму, что Временное правительство назначило своего представителя генерал-майора Занкевича^[64], а мне надлежит продолжать работу до его приезда. 17/30 IV получил такую же телеграмму от Гучкова^[65]. Почему это понадобилось, не знаю. Дело ли это рук других или желание иметь отдельного представителя Временного правительства? Также не знаю, может быть так лучше. В декабре просил меня отозвать. Французам это не очень приятно. Отношения установились хорошие, но, в сущности, не все ли им равно, я или другой. Мне интересно было бы знать, как отнесся к этому Алексеев, ибо, далек от мысли, что это его инициатива. Если он сам мне скажет, что это было его желание, то поверю, а если скажут другие, не поверю. А.М. Гучкову тоже нет основания меня заменять другим. А впрочем, кто знает? С политической точки зрения новому порядку опасности я не представляю. От дел отошел давно, и, в сущности, с 1909 г. по 1916 был не в фаворе, может быть моя близость к великому князю Николаю Николаевичу? Но какая же это близость, когда до конца 1915 я был в загоне. Наконец, мои отношения к нему просто душевные, а не деловые...

Но ломать головы над этим не буду. Решили и баста. Я поеду в Россию, но раньше, если будет возможно, полечусь. По своему положению члена Государственного Совета, и то не присутствующего с 1 января 1917 года, я никому не нужен. Кроме того, что будут делать с членом Государственного Совета по назначению – никто не знает. Не знаю, дадут ли содержание за март и далее, и не уволят ли нас на все четыре стороны, хорошо, если с пенсией, а то уволят и без нее. Цела ли квартира, цело ли Травино? Слава Богу, сестра Мари телеграммой дала признаки жизни.

Что будет впереди, не знаю. От России мы так основательно отрезаны, что ничего не доходит. Узнать можно, когда доедешь, но и доехать не так просто, из-за подводной войны. Скорее потонешь, чем доедешь. А что в России, вот это загадка. Надо верить и положиться на Господа Бога и ехать. А там будет видно.

5 /18 июня 1917 г. Баньол де Лорн

18/31 мая приехал Занкевич. 19 мая /1 июня я отдал свой прощальный приказ; 20 мая /2 июня вступил Занкевич, а 28 мая /9 июня выехал в Баньол, чтобы лечиться.

Баньол выбрал, чтобы быть ближе к Парижу, в случае нужды скорее собраться уехать. Узнал о Баньоле от генерала Нивеля, который там будет лечиться от артрита, а так как мое падение развило, кроме прочего и артрит, то Баньол оказался пригоден. Туда же меня посылал и консилиум у Карреля. Выбор оказался удачный. Воды сильные и подходящие, а местность очаровательная. Но главная моя болезнь, это полная усталость. Сего дня – 9-ый день, что я здесь, а все еще хожу как муха и больше валяюсь. Обещают, что будет лучше, потом кончу лечение, останусь для маленькой Nach Kur⁶, а затем с Богом домой. Никому я там не нужен, а все-таки дома лучше. Вернусь к прошлому.

Весеннее наступление, в широких размерах, на всех фронтах предусматривалось на конференции в Шантильи.

Жоффри, который в это время был в полной силе, хотя втихомолку против него собиралась гроза, основным условием этого наступления ставил предупреждение врага. Французская армия могла бы быть готова к февралю, англичане несколько позже, мы не хотели и не могли рисковать зимней кампанией, итальянцы заявили готовность к маю. Это было в ноябре, когда заканчивалась Румынская трагедия. Кавказ молчал, Месопотамия и Египет готовились.

Центральные державы были ослаблены своим успехом в Румынии. Соммская операция замирала и закончилась 15/2 декабря блестящим захватом передовых позиции Вердена. Союзники в праве были ожидать, что совокупность их усилий против ослабленной Германии может увенчаться успехом и положить конец губительной для них подводной войне, которая принимала все более активный, и угрожающий оборот.

Почти 7 месяцев прошло с тех пор, и, пожалуй, никогда Германия со своими союзниками не являлась столь угрожающей, как именно теперь. Что привело нас к этому печальному положению, которое я считаю фактом неоспоримым (хотя печать говорит обратное). Что за причины ослабили действия громадной силы союзников, вынужденных отбиваться и удерживаться, пока не появится новый военный фактор, в лице Соединенных Штатов.

Да против Германии восстал почти весь свет, и все-таки она не унывает и ведет свою борьбу, с надеждой на победный конец. Причины же в ней ли, в ее силе или в нашей слабости?

Я далек от мысли класть решения таким серьезным явлениям. История в свое время разберет и скажет, но через меня и мимо меня проходили явления, которые уже с конца ноября давали указания, что в нашем согласии мало согласия, что за громкими словами кроется что-то другое, что во всем деле ведомое как будто сообща, не достает главного рычага – одной воли.

В то время как враг наш для борьбы собрал всех своих союзников в свою железную руку и ведет борьбу, руководимую одной волей, мы представляем зрелище делового раздвоения. Пока был Жоффри, со своим авторитетом и прошлым, его слушались и ему как будто подчинялись. Но в Париже им и Брианом были недовольны. Сторонние люди, не занимавшиеся военным делом, знали ведение войны лучше того, который в самую критическую минуту спас Францию от крушения. И он и Бриан сделались центром нападок. Сначала съели Жоффри, затем Бриана. И это длилось почти три месяца.

С уходом Жоффри ослабился престиж высшего французского командования, ибо Нивель и Лиоте были новые люди, союзникам малоизвестные. Почти 2 месяца глухой борьбы, 3 месяца смен, ожиданий, неопределенности, все это тормозило подготовительную работу в высших

⁶ Восстановительный курс.

центрах и на местах. Старые деятели, ожидавшие ухода и смены, не могли принимать решения, новые знакомились.

Вместо намеченного Жоффром февраля, начало действий у французов определилось в середине апреля. Два потерянных месяца, в течение которых произошли события у врага, сильно обеспокоившие французское военное командование.

Немцы от района Бапома до Суассона отошли на новые линии к востоку, обратив в пустыню ранее занимаемые ими позиции. Началось это на севере и продолжалось до середины марта, в районе Роа и Лассиньи, когда III и I армии готовы были атаковать. Снова затяжка.

В это время разразилась наша революция, а за ней разруха внутренняя нашей армии.

14/27 марта и в последующие дни – ряд телеграмм от Алексеева с просьбой, чтобы французы отложили свое наступление, так как наша армия может оправиться только к июню. Нивель решительно отказал, сообщив об этом мне письменно. В последующих телеграммах генерал Алексеев высказывал надежду, что во второй половине мая наша армия, вероятно, в состоянии будет действовать. Свои объяснения, помимо заявления Нивеля, я дал Алексееву в 2-х телеграммах.

Французы не могли отложить свои действия. Обстоятельства складывались так, что необходимость действий являлась, как бы фатальной, и не действие могло бы отразиться самым гибельным образом.

Французы были связаны англичанами, которые уже начали наступление и подвинулись почти до линии Гинденбурга. Остановка, вернее не начинание атаки, могло бы погубить успехи англичан, после чего французы могли быть сами атакованы и не там, где были их силы, а там, где линии их были заняты слабо, главное, обнажены от артиллерии, притянутой к пункту главной атаки. Необходимо было сдвинуть итальянцев. Предшествующие переговоры указали Нивелю, как трудно сдвинуть их на решительные действия.

Более 4, почти 5 месяцев шла подготовка. Громадные средства, почти все, что было возможно из войск притянута к югу от Эна – между Реймсом и Уазой.

Армия, вся Франция напряженно работали и думали о предстоящем наступлении. Настроение было повышенное и злобное. Опустошения, производимые немцами при отступлении, возбудили во всех злобное чувство.

Выбора не было. Стоять было опасно, разгружаться в подготовке гибельно; ожидать еще месяц, может быть, два, и неизвестно сколько, ибо жизнь в России текла лихорадочно, и никто не знал, где грани успокоения. Может быть 4 месяца, а можете быть народное и солдатское настроение примет такие формы, что протекут много, много месяцев, прежде чем государственные силы России придут в порядок. Нам они своих опасений не высказывали, но ясно было и стороной знали, что французы и англичане не рассчитывали более на русскую реформированную армию. Надежда была на себя и, в будущем, на Соединенные Штаты.

С моей точки зрения вся подготовка так была ведена Мишле, что она сама сковала не только свободу маневра, но свободу решения. И не одно мое это мнение. Когда потом, уже в мае, когда совершилась перемена командования, мною высказана была эта мысль, она не только встретила возражения, но была подхвачена. И Нивелю я это говорил, и он не мог мне возразить. Подготовка к главному удару была сконцентрирована на таком тесном пространстве, и с обилием таких артиллерийских средств и всего с этим связанным, что меня это очень беспокоило.

В феврале, когда Лиоте давал завтрак одной нашей миссии, по окончании его я с ним говорил о событиях и высказал, что у меня накопилось много беспокойных мыслей по поводу подготовки. «У меня тоже ответил, – ответил он мне. – Приходите ко мне на днях, побеседуем мы спокойно и с картой поговорим». Но нам поговорить не удалось, через несколько дней Лиоте подал в отставку, а с ним и кабинет.

Громадное скопление средств и войск на тесном пространстве, исполненное Мишле, совершенно сковало высшее управление. Все было до мелочей предназначено и разработано, но только для случая, который был создан самим деятелем.

Удар V армии, с захождением левым плечом, VI армии с захождением правым, выдвижение X армии между, в промежутки, – все это было как-то несоответственно с природой и требованиями современной, и при том характера крепостной войны; как картина это не дурно, но кто знаком с исполнением, знает, что подобные кунштюки хороши на карте, где нет ничего такого, что характеризует бой, и нет противника с его волей и средствами.

Когда Лохвицкий^[66] мне говорил о плане, и в частности, о задачах бригады, я его успокоил, что ничего подобного не будет и что ему следует, взяв Курси, следить за боем и когда пресловутый маневр осуществится, тогда совокупно вести дальнейшую атаку к стороне Бримона.

Все было рассчитано по часам и более того, число снарядов тоже было рассчитано, повторяю, как будто перед нами не было врага, это предвзятость, сковавшая совершенно частный почин высших войсковых начальников, имел дурные последствия. О некоторых эпизодах, подтверждающие мои выводы, мне рассказывал на днях Нивель, прибавив: «Не будь этого, мы могли бы и в Бери-о-Бак иметь не местный, и а решительный успех».

Блестящие эпизоды на Эн, у форта Кондэ, были осуществлены личным вмешательством Нивеля.

Старая истина, трудности начинаются при исполнении и управлении, скованные свыше бумажным методизмом, и не могут рассчитывать на большие успехи. В частности, благодаря отваге войск были исполнены, и французские войска и наши войска дали тому доказательства, ибо условия атаки были непомерно трудные. Все сулило и могло дать большой успех.

Но вышел частичный успех, который, однако, раскрыл карты противника и, приковав германские силы к направлению атаки, до сих пор передал союзникам почин действий. В этом отношении, наступление это, так напугавшее Париж, дало союзниками большой плюс. Не будь его, Италия не заговорила бы.

Молчок, хуже того, братание с немцами на нашем фронте.

Может быть в России, в угаре политических событий, это не так чувствуется, как здесь. А здесь – стыдно. Стыдно и теперь, когда ушел с поста представителя Верховного командования при французской Главной квартире и стыдно будет всю жизнь.

К этому прибавилось щемящее чувство за поведение наших двух бригад и раненых. Что же произошло в бригадах?

6/19 июня

Было бы странно предполагать, что события такой необыкновенной важности, которые произошли в России в конце февраля и в начале марта, могли бы не произвести сильнейшего впечатления на наши войска во Франции. 28 февраля, 1 и 2 марта я был в районе IV армии, в Мальи и Шалоне, у командира корпуса Дюма, которому подчинялась 3-я особая бригада (1 особая бригада перешла из Мурмелона в Реймский сектор) и который отзывался как о ней, так и о 3-й особой бригаде с величайшей похвалой. Войска вели себя хорошо, несколько распущены были раненые и больные в тыловых госпиталях, где шла умышленная пропаганда всяких пацифистов и людей, ненавидевших существующий порядок. О том, что в России происходит что-то серьезное, я узнал, когда вернулся поздно вечером в Бовэ.

3 марта пришли радиотелеграфные сообщения об отказе от престола государя в пользу великого князя Михаила Александровича и назначении великого князя Николая Николаевича Верховным главнокомандующим, а затем об отказе Михаила Александровича. Чтобы войска узнали это от нас, я немедленно протелеграфировал это в бригады, с добавлением, что нам необходимо исполнить волю России, вести борьбу до конца и подчиниться Временному правительству.

Постепенно пропаганда со стороны стала настраивать войска враждебно ко всему, что было. Еще сильнее эта работа шла в госпиталях. Однако условия, в которых находились бригады, не позволяли этому настроению выливаться в особо протестующие формы, а 3 апреля 1-ая бригада, а затем 5 и 6 апреля 3-ая бригада доблестно выполнили на полях сражения свой долг. По моему ходатайству 1-ая бригада уже 5 апреля была выведена и затем поставлена в Париньи ле Реймс, а 3-ая бригада, числа 8 /21 или 9 /22 апреля перешли несколько восточнее, также в виду Реймса. Обе бригады получили citation^[67]. Что-то изменилось в них, но все-таки все было прилично, когда я благодарил войска от имени России за исполненную службу. Они, хоть и в малом числе, имели хороший военный вид, как в 1-ом, так и в 3-м полку. Стояли они под огнем немцев и например в Ласси, за 20 мин. до моего приезда ко 2-му полку, немцы открыли огонь и разрушили два дома. Вслед за этим поехал в Бурже, где было свыше 500 раненых, и там встретил людей, сильно изменившихся в настроении. Все-таки держались, в общем, прилично, как следует солдатам, но что-то неуловимое по внешности, скорее угадываемое чувством, указывало, что солдат наш изменился. Правда, в Бурже все было хорошо, в смысле содержания. Туда раненых не ожидали, были госпитали отличные, но некоторые были переполнены. Но это обстоятельство могло повлиять неблагоприятно на настроение только очень избалованных людей. К сожалению, наши солдаты всем: и отпусками, довольствием и деньгами, были очень избалованы.

Бригады в конце нашего апреля переведены были более к югу и расположены отдельно по деревням: 1-ая бригада южнее Шалонского шоссе, 3-ая севернее, в окрестности Фере Шампенэ, чтобы пополниться и подучиться.

С этого времени упадок внутреннего порядка в бригадах стал проявляться сильнее. Пропанганда из Парижа и науськивания, все это дало свои плоды.

Наши бригады, не считая единичных случаев, вплоть до апреля держались хорошо. 3-ая бригада в этом отношении была лучше 1-ой. Она была основательнее сформирована, и отношения офицерского состава и старших начальников было заботливее и правильнее, чем в 1-ой отдельной бригаде. Между бригадами близости не было, но не было и антагонизма. В 1-ой бригаде были в ходу телесные наказания, что вынудило меня, узнав об этом стороною, напомнить, что оно не законно и неуместно и указывает на отсутствие нравственного воздействия начальников на подчиненных. В этой же бригаде шло какое-то науськивание русских на французов, если и не поддерживаемое генералом Лохвицким, он это отрицал, но, тем не менее,

он позволял себе осуждать французов в мелочах, а иногда и в важных вопросах. Лохвицкий был мужественным офицером, но и Марушевский^[68] (командир 3-ей) обладал теми же достоинствами, но по мягкой натуре своей был уживчивей и скромнее. Эти свойства начальников естественно имели свое отражение и на части. Внутренний распорядок 1-ой бригады был ниже 3-ей, да и состав был слабее, и распропагандирована 1-ая бригада была основательнее 3-ей.

Как никак, но обе бригады, и в особенности 1-ая, продолжительное время находились в траншеях. То, что французы, в виде освежения и обучения, делали у себя систематически, наши делали в виде исключения.

Так, 3-ая бригада с октября по март не имела смены, а затем сменная, сейчас же была поставлена в Пронэ, а затем отправлена к западу от Реймса. На состояние внутреннего порядка это имело не благоприятное влияние. Когда же обе бригады были отведены, что было необходимо для устройства и обучения, то все распустились, и притом сверху.

События, совершившиеся с марта, вместе с пропагандой из Парижа, ожидание вольностей, свобод и прав охватили всю праздную массу. К этому прибавились письма и извещения из госпиталей от почти 5 тысяч раненых, больных и уклонившихся, о каких-то не удовлетворениях и притеснениях, и извещения из Петрограда. К 1 мая нашего стиля оно создало настроение, которое если не созрело до преступности, то, во всяком случае, в 1 бригаде уже имело характер солдатского своеволия. Прежний масштаб порядка или беспорядка был совершенно неприменим при новых условиях, когда выход полков с красными и черными знаменами, с митингами, аплодисментами, не отдавание чести людьми, ибо таковое заменено добровольными приветствиями, было нормально и никакому мудрецу не удалось бы определить, что законно и незаконно, что допустимо и что недопустимо. Такими я видел полки 1 бригады, но до преступности они еще не дозрели, это пришло потом.

Можно ли это было исправить? Я думаю, что да, если бы и французы и, в особенности наши начальники, кроме умения, вдумчивости, были бы люди с большим характером. Много вреда принесли госпитали, оттуда шло брожение и претензии, из которых большинство неосновательных. Но претензия на несвоевременную выдачу денег больным и раненым была основательная и это была вина и бригадных и полковых командиров.

Все остальные заявления были уже удовлетворены, сами претензии были уже запоздалыми и являлись лишь предлогом. Люди не могли понять, что все затруднения произошли от громадного количества раненых за время боев 3–7 апреля, каковое не ожидалось французскими властями.

Как же они могли понять, что, как например, в Бурже, куда было направлено свыше 500 раненых, к ним не применялись льготы, которые я выпросил у Годара^[69] еще в феврале, о выдаче 800 гр. хлеба и о приготовлении им супа с капустой, картофелем, крупой, а не бульона. А на этом бульоне они разыгрывали целые арии. А дело было просто. Циркуляр Военного министерства до Бурже еще не дошел, ибо туда никто не предполагал посылать русских. Но послать пришлось, и людям давали бульон. 15 апреля я был в Бурже и на этот бульон мне жаловались со всех сторон. Но все это было устранено. Я заявил о циркуляре главному медицинскому начальнику в Бурже, и меня сопровождавшего высшего медицинского чина, и им стали давать суп. То же было с табаком. Надо было благодарить французов и за размещение, и за уход, и за пищу, а наши люди только и дело, что отыскивали на что жаловаться.

Люди в праздности, и чувствуя, что переворот выдвинул их на первый план, ибо переворот, будем говорить и называть события настоящим именем, был произведен улицей и скученными в одном месте солдатами запасных батальонов, т. е. недоучками все выдумывали предлоги к обвинению и все волновались. И все это шло crescendo. Вероятно, и в их среде были и умные, которые отлично поняли, что в состоянии беспорядка и необученности их на фронт не пошлют. Эти впечатления я передал и Занкевичу и Лохвицкому.

В Петрограде заготовлялся приказ о комитетах, дисциплинарных судах, декларация о правах солдата. Последние приказы пришли после меня. Надо было все-таки знать, что это такое. Так как развитие брожения могло привести к печальным событиям, авторитет нашей власти уже пал, а начали действовать комитеты, то я прибег к последнему средству – самому тогда популярному – Керенскому^[70]. Помогите и скажите ваше слово. Он поручил это эмигранту Раппу^[71]. Рапп поехал в бригады, а я сдал представительство приехавшему Занкевичу.

17-VI-17

По прибытию в Париж, я просил графа Игнатьева доложить мне, в каком положении находится призрение наших больных и раненых, и как вообще совершается служба в тылу, а санитарная в особенности. Бригады имели свои дивизионные лазареты французского устройства около Мурмелона и в Мальи, и сверх того два автомобильных отряда; созданных французами и поднесенные императрице. Средств на содержание этого отряда не было и члены Думы и Государственного Совета, бывшие во Франции летом 1916 г. выхлопотали на это 100 т. руб. Автомобильные отряды эти обслуживали и французов (хирургический и банный отделы в Суиппе (Suippe), а передовая часть в Реймсе и Мурмелоне).

В Бресте, не разобранными недель шесть, стояли два лазарета: большой и малой Крестовоздвиженской Общины (Беловенец и Быков). Все больные и раненые были разбросаны по французским госпиталям Парижа: в Мишле и в гостинице Карлтон, в Ст. Серване и Бресте, и в разных других, по мелочам.

Больные и раненые 2 и 4 бригады Салоники имели французские учреждения в Македонии, небольшой госпиталь Св. Георгия, содержавшиеся на посольские средства и эвакуировали своих больных и раненных во Францию в Марсель и в Канн, где было 4–5 госпиталей французских, а равно и в Ниццу (специализировавшихся болезнями глаз и ушей).

В Монпелье формировалось при французском госпитале отделение для калек, требующих искусственных конечностей и особое лечение. Всех сестер было около 40 с госпожой Романовой во главе, только что прибывшей; сверх того были добровольные сестры русские и не русские, говорящие, по-русски и не говорящие. Пополнения, идущие в Салоники, проходили через Францию и собирались около Тулона, в лагерях Фрегюс (Fregus) и в Бресте в морских казармах.

Находились команды, бежавшие из плена, понемногу препровождавшиеся в Россию. В самом Париже и по разным заводам разбросаны были разные команды и отдельные офицеры, командированные из России. Последние часто появлялись неожиданно, и военный агент узнавал об их существовании, когда они ему являлись. Отношение центральных управлений было самое безалаберное. Центром был военный агент. Через него проходила вся денежная часть и весь личный состав, которой должен был ему быть подчинен, как коменданту. Военному агенту ежемесячно открывался кредит во Французском Банке в 125 миллионов. Это и была та сила, которая связывала и привлекала к военному агенту всех. Не будь этой силы, все бы рассыпалось в нашем обычном своеволии. Положение военного агента было трудное. Все военные и не военные заказы проходили, вернее должны были проходить через него, но на самом деле это было не так. В Париже ютились лица разных учреждений, которые распоряжались самостоятельно, но когда дело доходило до денег, то в подавляющем числе случаев все-таки приходили к графу Игнатьеву, так как кредиты были в его руках. Наконец пришли к сознанию, что все заказы во Франции могли исполняться только через французское правительство. Французское же правительство принимало заявления только от военного агента. Эти начала уложили заказы в более спокойное, верное и правильное русло. Лично я, по своему положению в эту область не входил, и мое участие выражалось в напоминании ускорить производство той или другой отрасли, и наладить в тех случаях, когда в силу нашей центробежности вырывалось из нормального русла. <...>

Перехожу к войскам.

Наши бригады были выброшены в чужую страну, как выбрасывают щенков в воду. Канцелярии думали, писали, но до дел не додумались. По трафарету сформировали 6 бригад. Сформировали по тому же трафарету и запасную бригаду, но забыли, что две бригады остались в России, 2 во Франции, 2 в Салониках. Управление запасной бригады прибыло во Францию,

и даже должен был прибыть бригадир. Я протелеграфировал, что не нужно, и просил ее расформировать. Сделали.

Какой-либо организации и устройства вне войсковой зоны не было, и наши люди брошены были в госпитали с чужими людьми, не знающими ни нашего языка, ни потребностей, ни привычек наших людей. Надзора, помощи материальной и духовной не было. Люди должны были удовлетворяться жалованием и суточными от полковников, но полки трудно разбирались, где их люди и, занятые своими делами, забывали своих. Салоникские больные были далеко и сообщения трудные. В таком же забросе оставались и пополнения. Когда поднимался вопль, в Париже шевелились, говорили, охали, проектировали. Люди же, в особенности на юге, бродили без призора, неодетые и чуть не нищенствовали, ибо денег им не давали.

Чтобы оградить солдат и помочь им, я в виде проекта предложил тыловое устройство, передал его Игнатьеву на рассмотрение и для введения. Собрали комиссию и, сделав одну неудачную поправку, приняли. Сущность предложения заключалась в следующем: Все потребности должны были удовлетворяться верховным агентом. В Тулоне учреждалось главное комендантство, со штатом людей; в главных пунктах, где госпитали и команды выздоравливающих – комендантства. Комендант в Гьерах, где должен был быть устроен пункт для 600–800 человек выздоравливающих. На севере коменданты в Мальи, Париже и Бресте.

Коменданты, не вмешиваясь во внутреннюю жизнь солдат, должны были наблюдать за благочинием и порядком вне госпиталей, а в самом госпитале являлись посредниками между больными и ранеными, чинами и медицинским начальством. Они выдавали денежные довольствия, вели учет, хранили и держали в исправности казенную одежду солдат, привозимых в госпитали, до выписки их из госпиталей. Все они подчинялись старшему коменданту. Старший комендант подчинялся военному агенту. Коменданты в пунктах для выздоравливающих и в лазаретах были начальством воинских чинов. Что было прискорбно, что многие из наших начальствующих людей, лица медицинского персонала, отчасти сестры милосердия, главным образом, не из сестер Красного Креста, никак не могли примириться с мыслью, что мы не в своей стране, что мы гости, и до некоторой степени, забыв наши привычки, должны применяться к тем требованиям, которые предъявляются французской жизнью. И исполнить это было очень легко, ибо французы все делали по нашему желанию, на все были согласны, лишь бы угодить и чтобы нашим было бы лучше. Не знали они также, что французская казна оплачивала все расходы. У нас, наше природное своеволие все-таки ограничено правилами, которые более или менее всем известны и начальством, а здесь французских правил не знали, да и начальство их не признавали.

Должен сказать, что военный агент постоянно об этом напоминал, но его напоминания забывались и выходили шероховатости. Солдаты были размещены хорошо, кормили их хорошо, но трудности были лишь во взаимном не знании языка. Неудовольствие и потом раздражение среди солдат главным образом сеялись гостями, которые, кроме пропаганды всякого оттенка, сеяли еще раздор между русскими и французами. А так как французское госпитальное начальство вообще было снисходительно к русским солдатам, то они понемногу распустились и опустили внешне.

Коменданты с внешней стороны немного подтянули людей, но оградить солдат от прошенных и непрошенных гостей они не могли, ибо власти на это не имели. Это было дело госпитального начальства.

Так ненормально, с точки зрения военной, текла жизнь больных и раненых солдат.

А когда в России совершился переворот, то при посредстве тех же гостей, главным образом политических эмигрантов, бывших в тесной связи с Советом рабочих и солдатских депутатов и другими сферами, стали уже распространять те мероприятия, которые возникали в этих кругах и которые, систематически разрушая армию, загубили и опозорили Россию. Но пока в Петрограде меры эти вырабатывались, в виде правил и приказов, пока их печатали, рас-

сылали, здесь среди темной массы, избалованной и развращенной пропагандой, все это стало пониматься так, что распоряжения эти скрывают, задерживают, лишая их каких-то прав и привилегий. Появилось раздражение и озлобление, а слабость наших, здешних заправителей привело к самочинным комитетам, судам и т. п.

Устроена была эвакуационная комиссия.

По моей мысли, эвакуационная комиссия должна была определить лиц, увольняемых из госпиталей в Россию и совсем от службы. Все остальное в госпиталях должно было делаться госпитальным начальством: в русских русскими, в французских, французами. Комиссия Игнатьева создала летучую комиссию, которая должна была объезжать все госпитали, осматривать всех больных и давать им определение. Это было недурно для первого раза, чтобы ознакомить французский врачебный персонал с нашими медицинскими определениями и взглядами. Но вышло нехорошо, потому что французское госпитальное начальство сразу утвердилось во взгляде, что движение наших больных до них не касается, а зависит от комиссии.

Комиссия могла бывать изредка, и в результате госпитали заполнялись выздоровевшими и переполнялись. Это же служило источником разных неурядиц, ибо здоровым в лечебных заведениях не место.

Хотя это и было мною отменено, но впечатление о назначении нашей эвакуационной комиссии в умах французского госпитального начальства оставалось, и они не выписывали выздоровевших, ожидая комиссии. И до сих пор, несмотря на циркуляр Service de Santé⁷, это ничтожное, по-видимому, обстоятельство, продолжает влиять неблагоприятно.

Главные основания устройства тылового управления были представлены в Главное управление в декабре 1916 года, я уехал в мае 1917 года, и ответа об утверждении получено не было. <...>

С неполным составом управление начало свою работу и внесло некоторый порядок в жизнь больных и раненых. Много потрудился полковник 1-го полка Киселев^[72], выбранный мною старшим комендантом. В январе или феврале я посетил все госпитали юга и Мишле. Содержание, помещение и старания французских госпитальных властей и общества по отношению наших людей не позволяет требовать большего. В медицинском отношении, говорят, были прорехи, но где таковые не бывают при массовой работе и, наконец, укоры эти возникают у наших врачей и по другим основаниям. <...>

⁷ Service de Santé – Служба здравоохранения.

19-V/2-VI-17

Итак, тыловое устройство и по настоящее время не утверждено, состав не прислан, а то, что было установлено временно на юге, могло только несколько упорядочить жизнь людей в госпиталях, среди которых большой % был здоровый.

Держались, пока не произошел переворот, а затем со дня на день, в особенности после боев, когда в существующие и новые прибыло свыше 4800 больных и раненых, брожение все более и более увеличивалось.

Во второй половине апреля я поехал в Бурже, чтобы осмотреть, как размещены наши раненые.

Французские власти, неизвестно почему ожидали, что потери при наступлении будут сравнительно небольшие. Действительность оказалась, однако, иная. Потери были большие, и в деле эвакуации и призревания оказались прорехи. Пришлось направить туда, куда не думал, и наскоро создавать госпитали, где таковых не было. Раненые наши в значительном числе были направлены в Бретань, даже в Бордо и наконец в Бурже, где их совсем не ждали.

20-VI-I7

Недаром сложилась народная поговорка, что со своим уставом в чужой монастырь не суйся.

Наши привычки не подходят французам. У нас одна с ними общая черта – они формалисты и канцеляристы даже больше нас. Бумажки все, а в делах административных формальность у них играет большую роль и здесь уступки, как и в наших высоких и невысоких канцеляриях, ждать нельзя.

После моей поездки в южные госпитали я был у Годара и получил обещание, что наши люди будут причислены к разряду *gros mangeur*⁸, что отдано будет приказание, чтобы им готовили пищу более подходящую и чтобы были бы приняты меры для их размещения вместе. Игнатьев оформил бумажкой и издан был циркуляр военного министра. Так как никто не предполагал, что в Бурже могут послать русских, то циркуляр или не дошел или его не прочли. Но кроме формалистики во французских госпиталях большая дисциплина и порядок. Французские больные пользуются относительной свободой, но в определенные часы они точно должны возвращаться в госпиталь. Вне, ведут себя прилично и исключения в этом редки. Власть в руках начальника госпиталя.

Наши люди, к сожалению, вели и ведут себя как дети. Самовольно приходят и уходят, в одежде не соблюдается опрятность, а за неимением форменной, выходят. Бог знает в чем, напиваются. Когда ворота заперты, перелезают заборы, не исключая калек. В наших госпиталях в России, при надзоре, относительный порядок. Во Франции, при отсутствии надзора, выходит беспорядок, портивший репутацию русского человека вообще. Для установления порядка принят был ряд мер: учреждены коменданты с несколькими н. ч. и портными, чтобы чинить одежду, оправлять казенную обмундировку, ибо с позиции люди приходили иной раз в одном белье, выдача белья и т. п. мелочей. <...>

Как всегда я всех обошел, со всеми поговорил подробно, употребив 1½ дня на обход 500 больных.

Некоторым, особенно сильно раненым дал Георгиевские медали. Один тяжело раненый со слезами благодарил, что посетил их: «Господь Вам воздаст, что Вы посетили нас».

Бурже не был подготовлен к приему раненых. Хотя из 500–94 были действительно раненые, а остальные столь легко задеты и контужены и совсем не пострадавших, что собственно половина могла бы остаться при частях, но размещены были вообще тесно, в особенности в военных госпиталях. Два госпиталя были очень хороши и люди были довольны и благодарны; остальные были переполнены, и в одном один раненый заявил, что при перевозке его ударили. Это была правда. Начальник военного госпиталя, очень сконфуженный, заявил, что такие случаи не будут. И окружному заявил, что такие случаи совершенно не возможны, как бы не были утомлены и раздражены врачи; были случаи не мягкого снятия повязок, был случай, что солдат заявил, что у него сидит осколок в боку, а врач заявлял, что ему в день привоза сделали фотографию, и что солдату кажется. Однако, опросив соседей и больных, я настоял, чтобы мне дали фактическое доказательство сделанного. После разбора оказалось, что солдат был прав. Обещали сделать. По приезду в Париж я послал начальнику госпиталя официальную телеграмму, сделана ли фотография, и получил ответ, что все сделано и с благоприятным исходом. Все эти недостатки являлись результатом несоответствия числа раненых с врачебным персоналом, не знавшим языка.

⁸ Здесь – большие едоки (фр.), т. е. нуждающиеся в усиленном питании.

Но эти факты, жалобы солдат перекатились в полки и послужили предметом митинговых заседаний и предъявления мне требований. Но это был только предлог: ибо недостатки эти были устранены, равно невысылка денег и т. п.

Такое время мы переживаем, что все требовали, и с яростью, лишь бы найти обвинение. По существу же, беря во внимание обстановку, раненных и больных, в госпиталях никаких требований возбуждать не могли, ибо получали то, что французские раненые и больные, не меньше, а затем стали получать, как *gros mangeurs*, и больше. Однако французские раненые на это претензий не возбуждали. В общем, кто-то, вероятно, их немало, сеяли между нами и французами раздор, и очень настойчиво. Наши наивные люди принимали все за чистую монету, и сплетни и женевские газеты настроение это обостряли. И среди офицеров и кругом ходил слух, что и Лохвицкий неосторожными словами поддерживал какое-то раздражение к французам. Месяца 2 тому назад, или вернее, 6–7 недель, когда в частях был полный разлад и полное отсутствие внутреннего порядка, это раздражение было особенно сильно, и, к сожалению, обострилось, приняв стыдные формы. Не знаю, как теперь, надеюсь, улеглось. Люди все-таки инстинктивно чувствовали, что то, что у них делается, французам не нравится. Не могли они не чувствовать, что наше бездействие у нас и братание с немцами, бесконечные митинги, шатание по окрестностям, не могло нравиться французам. Французы огородились от наших в квартирном расположении часовыми, и наших к себе не пускали. Вообще отношения изменились. Среди наших бродили пущенные слухи, что их разоружат и поставят на работы и, что всего более боялись, – что отправят в Салоники. Праздная и безопасная жизнь понравилась. Харчи такие, что не съесть, и дела никакого. 5 апреля вывели из линии 1-ю бригаду, после двухдневного боя, 7 апреля, 3-ю бригаду, и с тех пор они ничего не делают. В боях вышло из рядовых 5 тыс., но из них 3 тыс. таких, о которых и говорить не приходится и которым лучше было бы оставаться в строю. Очень стыдно было слышать это от французоз.

Не верил этому, но Бурже и затем Брестские госпитали, осмотренные Бобриковым^[73], это подтвердили. Стали возвращать из госпиталей, и Лохвицкий вместо того чтобы отнестись к этому серьезно, прислал мне клерком телеграмму, что высылают с незалеченными ранениями. Я потребовал представить медицинские акты. Доставили один.

1 мая я видел таких раненых. Это были здоровые люди, которым гораздо лучше быть в роте, под надзором своих же врачей и фельдшеров, чем болтаться праздно в госпиталях. Лохвицкий находил, что это одно затруднение. Но спрашивается, какое? При нескольких врачах простые перевязки проще делать у себя. Тем более что полки отведены на отдых, далеко от боевой линии, и живут в мирной обстановке.

Если бы вопрос о суточных деньгах был бы разрешен правильно и разумно, т. е. суточные деньги выдавались бы только находящимся в строю, то госпитали наполовину были бы пусты, и казна сохранила бы в год не один миллион франков. В январе послал запрос об этом, но интендантство разъяснило, что надо давать всем.

Со времени переворота о русских войсках во Франции, русское центральное управление забыло. Чтобы удержать нити и настроение в руках начальства, 3 марта, как только я получил радио-извещение о совершившемся, послал от себя уведомление начальникам бригад, для того чтобы объявили приказом. Затем телеграфировал просьбу выслать содержание новой присяги. Каменский сообщил, что будет послано почтой. Хорошо, что Ставка на мою просьбу выслала телеграмму и 17 марта быстро были отпечатаны присяжные листы, отправлены в полки и Игнатьеву и 19 марта предложено всем парижским присягнуть в посольской церкви, и там же я первый подписал присяжный лист. Что происходило в России, мы только узнавали из французских газет, но сведения были скудные.

Госпитали и полки питались другими путями и осведомлены были лучше нас. В госпиталях скрытно сформировались комитеты, то же было и в полках, появились депутаты. Наконец после усиленных моих просьб в апреле сообщили из Петрограда выдержки из приказа, и

таковые отданы были мною приказом по нашим войскам. Затем Каменский^[74] на мой запрос сообщил, что комитеты надо устанавливать в госпиталях, а через 2 дня Аверьянов телеграфировал, что никакие комитеты в госпиталях не должны быть.

30 апреля, по моей просьбе Гучков прислал свое обращение к бригадам, в виде приказа, а 1 мая я поехал в полки, чтобы прочесть им приказ. Прочел я только в 1-м и 2-м полках, поручив начальнику 3-й бригады прочесть в 5-м и 6-м полках.

Сил не было проделать это в последних полках, после того, что было в 1-м и в особенности во 2-м. И искушать Господа Бога нечего было, тем более, что настроение чинов 3-й бригады было неизвестно, хотя в 5-м полку – полк вышел по форме и как было приказано, т. е. без оружия. Настроение в 3-й бригаде было спокойное.

Настроение 1-й бригады, в особенности во 2-ом полку, было не революционное, но полное недоверия и злобы. В 1-м полку это почти не проявилось, а в 2-м дошло до криков уничтожить старого бюрократа и арестовать его. 2-й полк был весь вооружен, с пулеметами и часовыми кругом, как будто ожидали западню или сами собирались ее устроить. Слава Богу, для нас, для меня, для бригады Лохвицкого, этого не случилось и после двух часов разговоров я спокойно слез с лошади, люди расступились, и я вышел. Окончив чтение и разговоры в 1-м полку, где кроме некоторого напряжения все сошло, по данному времени, пристойно и даже добродушно, я с Лохвицким поехали ко 2-му. Подходя к полку, в 50 шагах, ко мне подошел командующий полком, полковник Иванов^[75], и вместо рапорта заявил мне, что просит к полку не подходить, а удалиться в ближайшее поместье, чтобы ему переговорить с людьми, успокоить их, ибо он так настроены, что могут быть эксцессы.

Я на это ему сказал, что сделать это не могу, и подошел к правому флангу полка, не прерывая оратора, который с помоста говорил о печальном положении наших раненых. Я дал ему окончить. Затем вышел другой и заявил, что, так как приехал генерал, то просит прервать и закончить после. Я объехал, поздоровался и потом просил меня обступить. Они сделали это нерешительно, вероятно чего-то подозревая. Пока они это делали, я вызвал заявившего о прекращении, похвалил его, сказав, что это было учтиво. Прочел приказ, сказал несколько слов, что Россия решила вести борьбу до конца, что надо исполнить присягу Временному правительству и сделать все, чтобы каждый из нас мог бы вернуться с гордо поднятой головой, в сознании исполненного каждым солдатом своего долга. Затем пошли те же разговоры о раненых и госпиталях. Речь какого-то солдата с уничтожением меня, старого бюрократа, об аресте меня, почему не дал им отпраздновать самый дорогой им праздник 1 мая (хотя праздник 1 мая во Франции был отпразднован 18 апреля). Но все это кончилось. Было 2 часа. Что-то не созрело для эксцесса. И внутри и снаружи я был совершенно спокоен и спокойно им отвечал. Смотря на них, я видел в знакомых добрых глазах русского солдата, что, по крайней мере, 2/3 из них на дурное дело и на преступление не способны.

Для многих из них я, однако, был ставленник царя и старый бюрократ. Нельзя же разубеждать массу. Но что для меня, старого солдата, было сильным и неисправимым ударом – это вся обстановка людей, их выражение, их отношение. Я увидел других людей, совсем других, чужих по всему, и это было очень больно, и этим болею до сих пор. <...>

21-VI-17

Укажу еще на одну особенность, которая имела неблагоприятные последствия во многих сторонах внутренней нашей жизни и влияла на больных и раненых. Наши деятели, в особенности сестры и посторонние безответные люди, желавшие принести долю пользы в общем деле, непременно желали делать по-своему, как им казалось лучше. При этом то, что делалось у французов, они бранили и подчиняться общим условиям – или не подчинялись, или подчинялись неохотно. Они не знали или не хотели знать, что мы всецело зависим от французов, причем, например, попечение и расходы на больных и раненых всецело ложилось на французскую казну и на французскую администрацию. Мы только требовали, а французы исполняли. Подчиняться же французским правилам и дисциплине мы не хотели. Сколько, Игнатьев и я, мы не твердили, что мы гости, что мы не можем вводить свои порядки, желания, убеждения, это помогало мало, но часто, хотя и в мелочах нарушали доброе согласие. Нашим больным и раненым лучше от этого не было, несмотря на то, что французы всегда проявляли готовность исполнять наши просьбы, и в госпиталях на многое смотрели сквозь пальцы. В особенности это было в начале. Мы стремились отделиться, но у нас ничего не было: ни средств, ни людей, ни денег.

Прекрасная мысль, чтобы наших больных и выздоравливающих отправляли в отдельных поездах и вагонах. Игнатьев поддался на это, и выпустил приказ о таком отдельном отправлении.

Что же вышло? Приезжаю в госпиталь в Мальи. Врачи скорбят и жалуются: станция Шалон не принимает русских больных иначе, как в отдельном поезде, т. е. 250 чел, а надо отправить отдельных раненых и больных, требующих специального лечения в Париж и выздоравливающих.

Вечером у главнокомандующего Петена прошу: нельзя ли помочь этому горю? Он этому не верит и говорит *c'est idiot*⁹.

Верно, но благодаря нашей просьбе такой приказ был отдан, и станция должна была его исполнить. Отменили. Во время боев тоже решили возить наших раненых отдельно, в отдельных поездах. Кто знаком с условиями эвакуации, в особенности в период генерального сражения, с наплывом многих десятков тысяч страдальцев к одному пункту, и притом под выстрелами дальнобойной артиллерии и непрерывных действий с аэропланов, тот поймет всю неосновательность такой меры. Когда начальник станции или военный комендант стали просить, нельзя ли отправлять повагонно, пристегивая их к французским поездам, то в ответ заявили, что нельзя, ибо получили приказ отправлять отдельные русские поезда. Наши раненые пролежали около Эпернэ несколько дней лишних. Нельзя путаться со своими требованиями в таком большом деле, где все должно исходить от одной власти.

6 апреля капитан Семенов^[76] по телефону по пути из Эпернэ в Париж просил меня, чтобы раненых направили бы в Париж, а не в Бретань. В Париж и ближе, а может быть и лучше; но исполнение такой просьбы в массовой перевозке была совершенно недопустима, по целому ряду причин, ему вероятно неизвестных. Он же по рапорту французов распоряжался, кричал на должностные железнодорожные лица, требуя то и другое. В своем рапорте капитан Семенов опровергал и обвинял французов. <...>

Через неделю будет месяц, как я уехал из Парижа, что происходит в нашей среде с новым представителем, что происходит в госпиталях и в войсках, не знаю. Занкевич, по-видимому, приехал с полномочиями и властью, чего у меня не было. Но как он их проявит? Со мною он был скрытен. Ничего не говорил. Это мой бывший подчиненный, скромный Занкевич, который

⁹ это глупо.

в 1905–1908 гг. был военным агентом в Бухаресте. Как он поведет дело? Желая от всей души, чтобы при нем наступило бы успокоение в войсках и среди больных и раненых. Кроме дел мною пересмотренных, я оставил ему длинный проспект¹⁰, с изложением всех дел, которые были в ходу и не получили своего разрешения. В день его вступления солдаты 3-й бригады отрешили Марушевского, и затем и командира полка, как в этой, так и в 1-й бригаде.

Наши обе бригады должны были развернуться в 2 дивизии. Я просил развернуть их по французскому образцу, что отвечало всем военным требованиям и основам управления. В декабре представил расчеты и просил, чтобы прислали только людей, а все остальное сделаем здесь, что будет удобнее, дешевле и скорей. Но канцелярия решила по-своему. Ей до условий обстановки нет дела. Она делает по трафарету и, сделав, думает, что исполнила свой долг. От нее-то мы и гибнем, ибо канцелярии до жизни никакого дела нет.

Долго они в Петрограде рядили, и наконец наперекор всем представлениям решили создать одну дивизию с артиллерией, с обозами, с лазаретами и т. п., как для французского фронта, так и для Салоник.

Французы поморщились, но делать нечего было. Позаботились по-своему и о представительстве, создав ряд ненужных отделений, передав ему санитарную часть. Я просил доложить Военному Министру, что все это не соответствует положению и снова просил, чтобы это предоставили бы представителю на месте решить все эти вопросы, так как этого требовала здешняя жизнь – ответа на это не получил. Но раз было приказано образовать дивизию, то начальник ее должен был быть старший генерал Лохвицкий, а Марушевскому следовало дать назначение в Россию. На посланную мной телеграмму, мне ответили, чтобы Марушевского оставили, а Лохвицкого послали в Россию.

В день приезда и вступления Занкевича в Париж, к удивлению своему, я увидел Марушевского. Мое удивление было вызвано тем, что в эти дни из Парижа к войскам, по приказанию тогдашнего военного министра Керенского, эмигрант Рапп поехал говорить с нашими. Генералу Марушевскому следовало быть там, и я, будучи уже не представителем, все-таки просил генерала Марушевского немедленно ехать к своим частям. Керенский телеграфировал эмигранту Раппу, прося его заехать к войскам и выяснить причины и успокоить людей; это было правильно. Рапп – эмигрант, значит в глазах, настроенных против всего прежнего – страдалец, приверженец нового. Человек он хороший, мягкий и, по его словам, любящий Россию. Перед прощанием он спросил меня: «А как говорить с офицерами и солдатами?»

«С солдатами говорите, что вам Господь Бог на душу положит, но помните, что для России спасение в порядке; с офицерами говорите властно, как начальник. Их надо поднять, подбодрить в исполнении долга». Он обещал заехать ко мне и сообщить свои впечатления, но этого не сделал; был у него, но его не застал.

Рапп уехал к бригадам в воскресенье, а в четверг, я к своему удивлению, увидел генерала Марушевского в Париже и просил его немедленно ехать к своим частям. Марушевский это сделал, но к вечеру вернулся, ибо на полпути его остановили офицеры, сказав ему, что солдаты его сместили, и если он приедет, то его убьют. Марушевский направился к Занкевичу, который, вместо того, чтобы вернуть его обратно к войскам, оставил его в Париже, сменил его и вместо него назначил Лохвицкого. Я бы поступил иначе.

После моего отъезда из Парижа, Занкевич поехал к бригадам, и говорят, там все было хорошо. Слава Богу.

Главное, однако, чтобы в полках успокоились бы, чтобы солдаты поняли, что они должны слушаться офицеров, и что куражиться над ними преступно. Мне писали, что солдаты заявили, что они готовы драться и желают ехать на секторы. Это было 1/14 или 2/15 июня. Вот приеду в Париж и узнаю, в каком они положении.

¹⁰ Говорят, он к нему не дотронулся. – Примеч. Ф. Палицына.

В начале июня генерал Занкевич передал мне, что Лохвицкий ходатайствовал о снятии дивизии, поставленной около Нэвшато, в район войск генерала Кастельно для обучения. Я не просил, но умолял Занкевича не поддаваться на это представление Лохвицкого, а оставить войска в районе армии. К сожалению, он этого не сделал. Войска были смещены и 2–3 недели спустя, разыгралась позорная Куртинская история^[77].

Четверг 22-VI-17

Несколько слов о представительстве.

Цель представительства при главнокомандующем – сблизить связь между Ставкой и Главной французской квартирой. Такие же представительства были при английском Генеральном штабе (не при Главной квартире) и при Главной квартире Итальянской армии.

Преобладающее значение французской армии и генерала Жоффра поставило представителя при этой армии в особое положение, и назначен был таковым генерал Жилинский, бывший в начале войны в течение 5-ти недель главнокомандующим северо-западной армии¹¹, и затем я, оба в большом чине и большом служебном положении. Жилинского Жоффр не переваривал, и его пришлось сменить. <...>

Положение представителя^[78] было очень почетное, но вскоре оказалось, что оно не деловое: войска ему не были подчинены, ибо они подчинялись французским военачальникам, военный агент^[79] ему не был подчинен и, в сущности, ему ничего не было подчинено, кроме, лично при нем состоящих офицеров. Какое же у него было дело? Связь со Ставкой. Но эта связь существовала, пока она обращалась к представителю и давала ему поручения. Она существовала, пока был Алексеев, а так как он тяжело заболел 2 ноября, то этим же числом связь прекратилась по военным, политическим и стратегическим вопросам. Ставка признала более удобным сноситься через генерала Жанена, который таким образом стал исполнять русские и французские поручения.

Когда это стало ясно, то я, тем более, что, упав 8 ноября сделался полукалейкой, ибо правой рукой не владел и сильно страдал от болей, просил чтобы меня убрали, как лицо бесполезное. Но мне приказано было остаться.

Я изучал положение на западном фронте, свои заключения сообщал Ставке, но настоящего оперативного дела не было до марта, когда снова вступил Алексеев. Ставке я указывал, что в трудные минуты будет не хорошо, ибо интересы русские мне ближе, чем Жанену. На это мне ответили, пусть французы сносятся со мной. Это было по-детски и я, понятно, не сделал попыток склонить французов их интересы передавать через меня. Они бы только посмеялись.

Войска свои хозяйственные и инспекционные нужды, по установлению Главного управления Генерального штаба^[80], должны были передавать этому управлению. Для упрощения представителю предоставлены были права командующего армией, в смысле утверждения наград за боевые отличия и права главнокомандующего, по отношению судебных дел и право сменять должностные лица.

Со стороны, как будто очень хорошо, но, в сущности, это была одна формальность. Рядом с этим существовала наградная бессмыслица. Начальник бригады и представитель не имели права награждать французов, которые входили в состав бригады, в то время, как французы предоставили начальникам бригад право награждения русских бесконтрольно *своих de guerre*¹².

Таким образом, солдаты и офицеры, которые входили в состав полков, батальонов и рот, дравшиеся рядом с нашими солдатами, об артиллеристах и саперах не говорю, должны были быть представлены и представления их отправлялись в Ставку, затем в Главное управление^[81]. Разрешения получались или через 1–1½ года, или совсем не получались. Сколько не просил распространить право награждения и на французов, все напрасно. И так, по отношению войск, представитель являлся как старший с правами командующего армией, утверждая только наградные и судебные приговоры. Потом ему предоставили право утверждения смещения офицеров, несоответствующих и отправку их в Россию.

¹¹ Северо-Западного фронта.

¹² Военным крестом.

Военный агент совершенно не был ему подчинен. В Петрограде меня просили не касаться отделения подполковника Пац-Помарнацкого^[82], а военный министр Шуваев на вопрос мой: «Какие Вы дадите мне инструкции?» Ответил: «Пожалуйста, не касайтесь заказов». Это последнее, я и без него не сделал бы, но выяснить нужды и как их удовлетворить, я бы мог. Денежными делами никогда не занимался и к ним всегда подходил с опаской, и без его совета снабжения заказов, не касался бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

...Великая княгиня... – Анастасия Николаевна, великая княгиня (1868–1935), принцесса черногорская, дочь короля Николы I Черногорского и его жены Милены Вукотич, с 1907 – супруга великого князя Николая Николаевича.

2.

Шаховской Леонтий Алексеевич (1859–1918), князь, с 1915 генерал для поручений при главнокомандующем Кавказской армией. Убит в Пятигорске.

3.

Сахаров Владимир Викторович (1853–1920), генерал от кавалерии, с октября 1915 г. командующий 11-й армией Юго-Западного фронта, в 1916 – командующий Дунайской армией, позже помощник главнокомандующего армиями Румынского фронта.

4.

Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917), обер-камергер, член Государственного совета, с 07.07. по 10.11.1916 – министр иностранных дел. В ходе Февральской революции арестован, скончался в тюремной больнице.

5.

Уотерс, английский генерал.

6.

Ермолов Николай Сергеевич (1853–1917), генерал-лейтенант, с 1907 по 1919 – военный агент в Великобритании, после революции продолжал исполнять обязанности военного агента, находясь в подчинении С.Д. Сазонова.

7.

Бенкендорф Александр Константинович (1849–1916), граф, в 1902–1916 гг. чрезвычайный и полномочный посол России в Великобритании.

8.

Михаил Михайлович, великий князь (1861–1929), флигель-адъютант. В 1914–1917 гг. секретарь военного агента России в Англии Н.С. Ермолова.

9.

Извольский Александр Петрович (1856–1919), министр иностранных дел России (1906–1910). С 1910 по май 1917 – посол в Париже. Сыграл видную роль в консолидации Антанты. С 1917 – в эмиграции во Франции.

10.

По Поль (1848–1932), французский дивизионный генерал, в 1915–1918 гг. состоял на военно-дипломатической работе, возглавлял французскую военную миссию в России; позднее возглавлял общество ветеранов войны.

11.

... Главной французской квартиры... – имеется в виду Ставка Главнокомандующего вооруженными силами Французской республики.

12.

Жоффри Жозеф-Жак (1852–1931), маршал Франции, в 1914 – главнокомандующий армиями Севера и Северо-Востока, в 1915 – главнокомандующий всеми французскими армиями, в 1918 избран членом Французской академии.

13.

Бриан Аристид (1862–1932), дипломат, член Республиканской социалистической партии, занимал посты министра иностранных дел, премьера-министра.

14.

Пуанкаре Раймон (1860–1934), французский государственный и политический деятель, президент Франции (1913–1920).

15.

Война-Панченко Сергей Константинович (1878–1920), генерал-майор, в 1915–1917 гг. командир л. – гв. Тяжелого артиллерийского дивизиона, с 1918 – участник Белого движения на Юге России, умер от тифа в Новороссийске.

16.

Хейг Дуглас (1861–1928), граф, британский фельдмаршал, в 1915–1918 гг. главнокомандующий английскими войсками во Франции.

17.

Робертсон Уильям (1860–1933), фельдмаршал, в 1915–1917 гг. начальник Генштаба Британских сил в Европе, затем имперского Генштаба.

18.

Моррисон Эдвард (1867–1925), канадский бригадный генерал, журналист, главный редактор «Ottawa Citizen».

19.

Пашич (Пешич) Петар (1871–1944), сербский генерал армии. В 1914–1917 гг. помощник начальника штаба Черногорского Верховного командования, с мая 1917 – помощник начальника штаба Сербского Верховного командования.

20.

Кастельно Эдуар, виконт де Кюрьер (1851–1944), французский дивизионный генерал, в 1915–1916 гг. начальник штаба главнокомандующего французской армией Ж. Жоффра, в 1917–1918 гг. командующий группой армий во Франции. В 1919–1923 – депутат Национального собрания Франции.

21.

Пелле Морис (1863–1924), французский бригадный генерал. В 1914–1918 гг. командир Марроканской дивизии, с 1919 г. верховный командующий Вооружённых сил Чехословакии.

22.

...заседала другая, политическая... – имеется в виду конференция представителей государств-союзников в Шантильи 18–19 ноября 1916.

23.

Лойд-Джордж Дэвид (1863–1945), лидер Либеральной партии Великобритании. В 1916–1922 гг. премьер-министр Великобритании.

24.

Асквит Герберт Генри (1852–1928), граф, лидер либеральной партии в 1905–1924 гг. В 1908–1916 гг. премьер-министр; с 1924 – член палаты лордов.

25.

Мюррей Арчибалд (1860–1945), британский генерал, с марта 1916 по апрель 1917 – командующий английскими войсками в Палестине и главнокомандующий английскими войсками на Среднем Востоке.

26.

...французский морской министр... – имеется в виду Лаказ Мари-Жан-Люсьен (1860–1955), французский вице-адмирал, член Французской академии, с 29.10.1915 по 02.08.1917 – морской министр.

27.

...его помощник... – имеется в виду Нель Луи (1864–1920), французский политический деятель, в 1915–1917 гг. заместитель морского министра, впоследствии министр юстиции в правительстве Ж. Клемансо (1917–1920).

28.

Кривенко Василий Васильевич (1879–1926), полковник. В 1915 г. штаб-офицер для поручений при главнокомандующем Северным фронтом; с 1917 – штаб-офицер для поручений при генерале Ф.Ф. Палицыне.

29.

Панчулидзе Алексей Николаевич (1884–1964), подполковник л-гв. Уланского полка, с декабря 1917 – помощник, затем – штаб-офицер для поручений при военном агенте во Франции, с 1918 – в эмиграции во Франции.

30.

Извольский Григорий Александрович (1892–1951), сын А.П. Извольского, в 1914 вступил добровольцем в Иностранный легион, в 1923–1924 гг. директор банка Рябушинских в Париже, с 1924 – в эмиграции в Америке.

31.

...военного агента в Париже... – имеется в виду Игнатьев Алексей Алексеевич (1877–1954), граф, генерал-майор, с 1912 по 1919 – военный агент во Франции. После 1919 – на дипломатической службе в СССР.

32.

Гурко Василий Иосифович (1864–1937), генерал от кавалерии, с 10.11.1916 по 17.02.1917 и.о. начальника штаба Верховного главнокомандующего на время болезни М.В. Алексева, с 31.03.1917 – главнокомандующий армиями Западного фронта, с 1918 – участник Белого движения.

33.

Жанен Пьер (1862–1946), дивизионный генерал, в 1916–1917 гг. глава военной миссии Франции при Ставке верховного главнокомандования, а в 1918 – при Верховном правителе А.В. Колчаке, один из виновников его гибели.

34.

...Главной квартире... – имеется в виду Ставка Верховного главнокомандования, т. к. с прибытием в Ставку императора, Ставка одновременно становилась императорской Главной квартирой.

35.

Гамелен Морис (1872–1958), французский дивизионный генерал. В 1914–1916 гг. был секретарем Жоффра, позднее командовал бригадой и дивизией.

36.

...Г.О.Е. – военное командование вооруженными силами Франции.

37.

Нивель Робер Жорж (1856–1924), дивизионный генерал, с 1916 по 1917 гг. главнокомандующий французской армией, его весеннее наступление на Западном фронте из-за высоких потерь получило название «бойня Нивеля».

38.

Лиоте Луи Юбер Гонзалв (1854–1934), маршал Франции, в 1916–1917 дивизионный генерал, министр обороны Франции, известный своим участием в колониальных войнах в Индокитае и Марокко, в том числе в Рифской войне.

39.

Фош Фердинанд (1851–1929), маршал Франции, член Французской академии (1918). С октября 1914 г. помощник главнокомандующего, с 1915 – командующий Северной группой армий, руководил наступлением в Артуа, а также принял участие в сражении на Сомме. С 15.05.1917 – начальник Генштаба, с 1918 – председатель Военного комитета союзников.

40.

Петен Анри Филипп (1856–1951), маршал Франции, в 1917 – главнокомандующий французской армией. Во время оккупации Франции во II мировой войне – премьер-министр, заключил перемирие с Германией.

41.

Саррайль Морис (1856–1929), французский дивизионный генерал. В 1914–1915 гг. командир 6-го армейского корпуса, командующий 3-й армией, отличился в сражении на Марне. С сентября 1915 по декабрь 1917 – командующий войсками союзников на Салоникском фронте.

42.

...английский генерал... – имеется в виду Милн Джордж (1866–1948), британский фельдмаршал, с января 1916 – командующий британскими войсками на Салоникском фронте.

43.

...контролировавший переход греческой армии ...и разоружение ее... – Речь идет о перевороте 30 августа 1916, направленном против греческого короля Константина I, войск и добровольческих формирований, оставшихся верными королю и его курсу. Вооруженное противостояние между ними и частями союзников в Салониках вылилось в блокаду побережья и полное разоружение прокоролевских сил. 2 июля 1917 Греция объявила войну Центральным державам.

44.

Кадорно Луиджи (1850–1928), граф, итальянский маршал. В 1914–1917 начальник Генштаба, а после вступления Италии в мае 1915 в войну – фактически главнокомандующий итальянской армией.

45.

...королеве... – имеется в виду Елена Черногорская (1873–1952), дочь короля Николы I Черногорского, королева Италии (1900–1943).

46.

Баррер Камилл (1851–1940), французский дипломат, посол Франции в Риме, сыграл большую роль во вступлении Италии в войну на стороне Антанты.

47.

Соннино Сидней Константино (1847–1922), итальянский политический и государственный деятель, в 1914–1917 – министр иностранных дел.

48.

Тома Альбер (1878–1932), политический деятель, историк, член социалистической партии, в 1916–1917 гг. министр вооружения. В 1916 и 1917 гг. был с официальным визитом в России.

49.

Рейнгард Мариан-Июмус Федорович (1881–1976), полковник, в 1916 г. прикомандирован к Главному артиллерийскому управлению, позже – представитель ГАУ при военном агенте в Италии, с 1917 – в эмиграции в Аргентине.

50.

...наши бригады... – имеются в виду 1-я и 3-я Особые пехотные бригады Русского экспедиционного корпуса во Франции.

51.

Франш д'Эспере (1856–1942), маршал Франции (1921), с марта 1916 – командующий Восточной, с декабря 1916 – Северной, с 1917 – группой армий в Шампани, с марта 1919 – верховный комиссар Франции на Юге России.

52.

Мазель Оливье (1858–1940), французский дивизионный генерал, в 1916 – командующий 1-й армией, в 1917 – командующий 5-й армией.

53.

Манжен Шарль (1866–1925), французский дивизионный генерал. В 1914–1915 гг. командовал бригадой, дивизией, армейскими корпусами; в 1916 – отличился под крепостью Верден; в 1917 – командующий 6-й, в июле 1918–10-й армиями, отличился во 2-м сражении на Марне.

54.

Гуро Анри (1867–1946), дивизионный генерал, с 14.05.1915 – командующий французскими войсками на Галлиполийском полуострове; в декабре 1915 и в июле 1918 – командующий 4-й армией; в 1919–1923 главнокомандующий французскими войсками на восточном побережье Средиземного моря.

55.

Жерар Огюстен (1857 —?), французский дивизионный генерал. В 1914 – командующий 2-м армейским корпусом; в 1918 – командующий 1-й и 8-й армиями.

56.

Файоль Эмиль (1852–1928), маршал Франции, в 1916 командующий 6-й армией, отличившейся в сражении на Сомме, в 1918 – командующий Резервной группой армий, сорвавших германское наступление в июне и в июле 1918.

57.

Мишле Жозеф (1861–1931), французский дивизионный генерал, в 1915 – начальник штаба 1-й армии, начальник 53-й пехотной дивизии, с апреля 1916 – командующий 10-й армией; в 1917 – командующий Резервной группой армий.

58.

...1-й и 3-й французскими армиями... – имеются в виду генерал О. Файоль и генерал Юбер Жорж-Луи (1862–1921), с 1916 – командующий 3-й армией.

59.

...бельгийскому королю... – Альберт I (1875–1934), с 1909 – король Бельгии, в 1914–1918 – главнокомандующий бельгийской армией.

60.

...бельгийской королеве ... – Елизавета Баварская (1876–1965), с 1909 – королева Бельгии, супруга Альберта I, мать короля Леопольда III.

61.

Балфурье Морис (1852–1933), французский дивизионный генерал, кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени (1916).

62.

Лукомский Александр Сергеевич (1868–1939), генерал-лейтенант. В 1915 – помощник военного министра и товарищ председателя Особого Совещания по обороне государства; в 1916 – начальник 32-й пехотной дивизии, затем генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем; в 1917 – командир 1-го армейского корпуса, участвовал в выступлении генерала Л.Г. Корнилова.

63.

...2 территориальны... и 3 территориальные бригады... – имеются в виду территориальные воинские соединения французской армии, которые до начала мобилизации содержали 10–20 % от среднего и младшего состава, а с началом военных действий доукомплектовывались путём призыва военнообязанных.

64.

Занкевич Михаил Иполлитович (1872–1945), генерал-лейтенант, в 1916 г. и.д. генерал-квартирмейстера Генерального штаба, в феврале-апреле 1917 – начальник военной охраны Петрограда, с 05.04.1917 – представитель Ставки Верховного главнокомандующего и Временного правительства во Франции. Участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции во Франции.

65.

Гучков Александр Иванович (1862–1936), с 1906 председатель ЦК партии «Союз 17 октября», председатель III Государственной думы. В 1914 г. один из организаторов военно-промышленных комитетов и с июля 1915 председатель Центрального военно-промышленного комитета; с сентября 1915 член Особого совещания по обороне государства, в 1917 г. военный и морской министр; участник Белого движения, с 1919 в эмиграции во Франции.

66.

Лохвицкий Николай Александрович (1867–1933), генерал-лейтенант, в 1916 – командир 1-й Особой пехотной бригады; с июня 1917 – начальник Особой пехотной дивизии, в которую вошли бригады, действовавшие в составе Русского экспедиционного корпуса во Франции. Участник Белого движения.

67.

...citation... – (приведение – фр.), имеется в виду приведение к присяге Временному правительству.

68.

Марушевский Владимир Владимирович (1874–1952), генерал-лейтенант. Участник русско-японской войны 1904–1905. В 1916 г. командир 3-й Особой пехотной бригады; в конце 1917 г. начальник Генштаба. С 1918 – участник Белого движения.

69.

Годар Жюстен (1871–1956), министр здравоохранения Франции. В 1914–1918 гг. начальник службы здравоохранения французских вооруженных сил.

70.

Керенский Александр Федорович (1881–1970), депутат IV Государственной думы, член Временного комитета Государственной думы, товарищ председателя исполкома Петросовета. С 2 марта по 5 мая 1917 – министр юстиции, в мае-сентябре 1917 – военный и морской министр, затем – министр-председатель Временного правительства, с 30 августа одновременно Верховный главнокомандующий. В эмиграции во Франции, позднее – в США.

71.

Рапп Евгений Иванович (1875–1946), с 1903 – член партии эсеров, жил в эмиграции. С мая 1917 – комиссар Временного правительства во Франции.

72.

Киселев Сергей Петрович (1878–1928), полковник, в 1915 награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, Георгиевским оружием; в 1916 г. назначен в 1-й Особый пехотный полк Русского экспедиционного корпуса во Франции.

73.

Бобриков Николай Николаевич (Кока) (1882–1958), полковник Генерального штаба, в 1916–1917 гг. в распоряжении военного агента во Франции. Участник Белого движения. С 1920 г. в эмиграции.

74.

Каменский Михаил Павлович (1874–1937), генерал-майор. В 1914–1915 гг. сначала помощник, потом начальник отделения по устройству и службе войск ГУГШ; с 1918 г. в Красной армии, в 1935 г. репрессирован.

75.

Иванов Михаил Иванович, полковник, в 1917 г. командующий 2-м Особым пехотным полком Русского экспедиционного корпуса во Франции.

76.

Семенов Василий Александрович, подполковник. В 1915 г. старший адъютант штаба 22-й пех. дивизии; в 1916 г. переведен в 9-й Особый пехотный полк.

77.

...позорная Куртинская история... – имеется в виду вооруженный мятеж частей 1-й Особой пехотной дивизии в лагере Ля Куртин.

78.

...представитель... – имеется в виду представитель Ставки Верховного главнокомандующего.

79.

...военный агент... – имеется в виду военный агент, т. е. военный атташе при посольстве России во Франции. См. далее Игнатьев А.А.

80.

...Главного управления Генерального штаба... – имеется в виду ГУГШ – высший орган оперативно-стратегического управления вооруженных сил Российской империи, ведало разработкой мероприятий по подготовке к войне, мобилизационным планированием, военной разведкой и контрразведкой, перевозками войск и военных грузов и т. п..

81.

...Главное управление ... – имеется в виду ГУГШ.

82.

Пац-Помарнацкий Александр Фадеевич (1885–1963), полковник, с 1915 г. – и.д. помощника начальника отделения ГУГШ; с 1918 – в эмиграции.